

Не на жизнь, а на смерть

Автор:

[Иэн Рэнкин](#)

Не на жизнь, а на смерть

Иэн Рэнкин

Инспектор Ребус #3

Оборотень в Лондоне! Четвертое зверское убийство за три месяца – сыщики Скотленд-Ярда сбились с ног, однако вычислить маньяка не получается. И тогда из Эдинбурга вызывают «специалиста по серийным убийцам» инспектора Ребуса, который сумел раскрыть дело Эдинбургского Душителя (об этом – в романе «Крестики-нолики»). Сам Джон Ребус вовсе не считает себя экспертом по маньякам, но нельзя же уронить честь шотландского мундира! К тому же случай сводит его с очаровательной Лизой Фрейзер, исследующей психологию преступников, и она берется составить психологический портрет Оборотня... Так начинается опасная игра – игра не на жизнь, а на смерть.

Иэн Рэнкин

Не на жизнь, а на смерть

И снова – Миранде, но на сей раз еще и Ренегату...

Стая голодных волков мерещится нам за спиной, а наш настоящий враг носит овечью шкуру.

Малькольм Лаури. У подножия вулкана

Пролог

Она везет домой нож.

Она по собственному опыту знает, что этот момент – самый сокровенный.

Ее рука сжимает прохладную ручку ножа и вонзает его в горло по самую рукоять, пока рука не наталкивается на тело. Плоть ощущает плоть. Сначала жакет или шерстяной свитер, потом – хлопчатобумажная рубашка или майка, потом плоть. Нож раздирает тело, извиваясь, словно пойманный зверь. Ее рука и рукоятка ножа залиты кровью. (Другая рука закрывает рот, подавляя крики.)

И все-таки она чувствует голод. Это неправильно, непонятно, но это так. Она снимает кое-что из одежды; фактически снимает почти все, даже больше, чем необходимо. А затем она делает то, что должна сделать. Нож поворачивается в теле.

Она зажмуривается. Эта часть ей совсем не нравится; не нравилась ни тогда, ни сейчас. Но особенно тогда.

Наконец она впивается зубами в молочно-белый живот и сжимает челюсти, чтобы затем прошептать, как обычно, те же самые слова:

– Это просто игра.

* * *

Вечер. Воскресенье. В квартире Джорджа Флайта раздается телефонный звонок. А ведь воскресенье – это день благословенного отдыха: говядина с йоркширским пудингом, телевизор, кипа газет, сползающих с колен... Однако весь этот день Джорджа не покидало странное предчувствие. Даже в пивной, во время ланча, он не смог расслабиться – его глодали изнутри червячки беспокойства, крошечные слепые белые черви, вечно голодные, которых ничем не удавалось насытить. Знакомое ощущение, оно не в первый раз его преследует.

А потом ему достался третий приз в лотерее, которая разыгрывалась в пабе, – небольшое апельсиновое деревце в горшке и белый плюшевый медведь. Даже чертовы слепые черви и те хохотали над ним, и тогда он окончательно уверился, что день добром не кончится.

А сейчас телефон звонит так настойчиво, словно дело идет о жизни и смерти. Словно плохие новости не могут подождать до завтра, пока не начнется его смена. Несомненно, он догадывался о том, что случилось. Ведь последнее время он только об этом и думал. Ему так не хотелось брать трубку. Но все же пришлось.

– Флайт слушает.

– Еще одна, сэр. Еще одна жертва. Опять Оборотень.

Флайт уставился на безмолвствующий экран. Передавали фрагменты вчерашнего матча чемпионата по регби. Здоровенные парни гонялись за нелепым мячом с таким видом, будто от этого зависела их жизнь. В конце концов, это просто дурацкая игра. Он усадил у телевизора свой идиотский приз, плюшевого медведя. И на кой черт он ему сдался?

– Ладно, – проговорил он, – где?

* * *

– ...В конце концов, это просто игра.

Ребус усмехнулся и едва заметно кивнул англичанину, сидящему напротив него за столиком. Потом уставился в окно, будто бы не в силах оторваться от зрелища проносящихся мимо во тьме огней. Судя по тому, как привычно англичанин произнес эти слова, ему далеко не впервые в жизни приходится прибегать к подобному нехитрому утешению. Все дорогу от Эдинбурга англичанин был угрюмо молчалив, однако это не мешало ему то и дело вытягивать ноги, упираясь коленями в колени Ребуса и посягая таким образом на и без того тесное пространство под столиком. А пространство самого столика постепенно загромождалось банками из-под пива, неуклонно подползавшими к аккуратной стопочке газет и журналов, которые Ребус взял с собой в дорогу.

– Ваши билеты! – заорал контролер с другого конца вагона.

Обреченно вздохнув, Ребус полез за билетом – уже в третий раз с тех пор, как они сели в поезд. Хотелось бы знать, где удастся обнаружить проклятую бумажку? В Берике, например, Ребус был уверен, что билет находится в кармане рубашки, а он оказался в верхнем кармане пиджака. Потом в Дареме он искал его в пиджаке, в то время как тот притаился под одним из журналов на столике. А теперь, десять минут спустя после остановки в Питерборо, билет каким-то загадочным образом перебрался в задний карман брюк. Ребус достал его и стал дожидаться контролера, как и положено законопослушному пассажиру.

Билет англичанина лежал там же, где и всегда, – под одной из пивных банок. Ребус кинул взгляд на заднюю страницу воскресной газеты, хотя каждое слово оттуда он уже успел выучить наизусть. Он держал ее на самом верху стопки, не иначе как из чувства злорадства, наслаждаясь огромными черными буквами заголовка – ШОТЛАНДЦЫ, ПРОЛИВШИЕ СВОЮ КРОВЬ[1 - «Шотландцы, пролившие свою кровь» – патриотическая песня шотландцев на слова Р. Бернса. – Здесь и далее прим. перев.], – под которым рассказывалось о вчерашнем сражении за Кубок Калькутты на поле Мюррейфилд. Вот это была игра! Прямо скажем, зрелище не для слабонервных. Англичане продули со счетом 10:13, и теперь Ребус трясся в вечернем воскресном поезде, битком набитом разочарованными английскими болельщиками, направляющимися в Лондон.

Лондон. Не самое лучшее место в мире. Ребус вовсе не горел желанием навещать его почаще. Но на этот раз он отправился не в какую-нибудь там увеселительную поездку, а в сугубо деловую командировку, и, как представитель уголовной полиции графства Лотиан[2 - Лотиан – один из девяти административных районов Шотландии; столица Лотиана – Эдинбург.], он просто обязан показать себя с лучшей стороны. По этому поводу его шеф выразился весьма лаконично: «Смотри не облажайся, Джон».

Конечно, он постарается сделать все, что от него зависит, сознавая в то же время, что реально вряд ли сможет чем-то помочь. И если его готовность содействовать коллегам означает, что он должен носить чистую рубашку с галстуком, отполированные до зеркального блеска ботинки и солидный пиджак, что ж... Чему быть, того не миновать.

– Ваши билеты, пожалуйста.

Ребус протянул билет. Где-то там, в коридоре, на «ничьей земле» вагона-ресторана, расположенного между первым и вторым классами, несколько голосов принялись вдруг нестройным хором распевать «Иерусалим» Блейка[3 - Популярный в Англии гимн композитора Х. Пэрри, положившего на музыку в 1916 г. стихотворение Уильяма Блейка (1804).]. Лицо англичанина, сидящего напротив Ребуса, озарила улыбка.

– Это просто игра, – сообщил он банкам из-под пива, громоздящимся на столике, – просто игра...

* * *

Поезд прибыл на вокзал Кингз-Кросс с пятиминутным опозданием, в пятнадцать минут двенадцатого. Спешить было некуда. Для него забронировали номер в отеле в центре Лондона – какая любезность со стороны столичной полиции! В кармане пиджака лежал список всевозможных указаний, в очередной раз присланных из Лондона. Он взял с собой совсем немного вещей, будучи уверен, что так называемой «любезности» лондонской полиции хватит ненадолго и он задержится здесь не более чем на два-три дня. За это время они поймут, что он вряд ли сможет оказать им существенную помощь в расследовании. Итак: один небольшой чемоданчик, спортивная сумка и портфель. В чемодане два костюма, ботинки, смена белья, несколько пар носков и две рубашки (с подобранными по цвету галстуками). В спортивной сумке – бритва и мыло, полотенце, две книжки в мягких обложках (одна наполовину прочитанная), дорожный будильник, фотоаппарат со вспышкой и запасной пленкой, футболка, складной зонтик, солнечные очки, транзистор, дневник, Библия, пузырек с парацетамолом и еще один пузырек, аккуратно завернутый в футболку, – с отличным виски «Исли».

Самое необходимое, одним словом. В портфеле лежала бумага для записей, несколько ручек, диктофон, чистые кассеты, ранее записанные кассеты и внушительное досье с ксерокопиями документов из лондонской полиции, вырезками из газет и цветными фотографиями 20 на 25, подшитыми в папку на кольцах. Папка была помечена одним-единственным словом: **ОБОРОТЕНЬ**.

Ребус не торопился. Вся ночь, а точнее, то, что от нее осталось, была в его распоряжении. В понедельник в десять утра он должен присутствовать на совещании, но эту ночь в столице он мог провести, как ему заблагорассудится.

Он решил, что предпочтет провести ее в номере отеля. Дождавшись, пока остальные пассажиры покинут поезд, он достал сумку и портфель с багажной полки и прошел к дверям вагона, между которыми была еще одна багажная полка, на которой лежал его чемодан.

Выбравшись на платформу, он остановился на минутку и глубоко вдохнул. Пахло совсем не так, как обычно пахнет на вокзале (а особенно на таком, как Уэверли в Эдинбурге). Здесь не было привычного зловония, и все же здешняя вокзальная атмосфера показалась Ребусу слегка застоявшейся и закисшей. Неожиданно и он почувствовал, что скисает. Но был еще какой-то неуловимый запах, носившийся в воздухе, – сладковатый и в то же время отталкивающий. Он никак не мог понять, о чем напомнил ему этот запах.

В вестибюле вокзала, вместо того чтобы направиться к метро, Ребус завернул в книжную лавочку. Там он купил путеводитель по Лондону и сунул его в портфель. В продаже уже появились утренние газеты, но он проигнорировал их. Сейчас все-таки еще не понедельник, а воскресенье – день, который положено посвятить Богу. Возможно, именно поэтому он захватил с собой Библию. Хотя он не появлялся в церкви вот уже несколько недель... или месяцев. С тех пор, как однажды зашел в собор на Палмерстон-плейс. Неплохое место, чистое и светлое, но... Слишком далеко от дома, чтобы наведываться туда регулярно. Ребус по старой привычке не доверял массовым организованным действиям. С годами это чувство только укрепилось. К тому же он был голоден. Неплохо бы перекусить по дороге к отелю...

Он прошел мимо двух женщин, которые о чем-то оживленно болтали.

– Я услышала об этом по радио буквально двадцать минут назад.

– Он еще кого-то прикончил, правда?

– По крайней мере, так они говорят.

Одна из женщин поежилась.

– Даже подумать об этом страшно. А они уверены, что это он?

- Не совсем, но мы-то знаем, правда?

То-то и оно: истину не скроешь. Так что Ребус прибыл как раз вовремя, чтобы распутать очередной клубок. Еще одно убийство; всего, значит, четыре. Четыре убийства за три месяца. Этот парень, убийца, которого они прозвали Обратнем, даром времени не теряет. Они прозвали его Обратнем и написали письмо шефу Ребуса. Нам нужен ваш человек, сообщили они. Посмотрим, что он сможет сделать. И тогда шеф, старший суперинтендант Уотсон, передал ему письмо.

- Ты бы взял с собой парочку серебряных пуль, Джон, - сказал он. - Похоже, что ты - их единственная надежда. - Он хмыкнул, сознавая так же ясно, как Ребус, что от того будет мало толку.

Ребус молча покусывал верхнюю губу, сидя напротив начальника. Конечно, он приложит максимум усилий. Он сделает все, что от него зависит. Пока они не убедятся в его непригодности и не отошлют домой.

«Даже если поездка в Лондон не принесет пользы, она даст нам шанс хоть немного отдохнуть друг от друга», - мрачно подумал Ребус.

- Даже если поездка в Лондон не принесет пользы, она даст нам шанс хоть немного отдохнуть друг от друга, - саркастически произнес Уотсон.

Старшего суперинтенданта, уроженца Абердина, прозвали Фермером Уотсоном. Смысл этого прозвища был понятен каждому нижестоящему офицеру эдинбургской полиции. Но как-то раз Ребус, будучи в небольшом подпитии, назвал его так прямо в глаза и с того момента обнаружил, что круг его обязанностей несколько расширился за счет убийственной рутины: кучи бумажной работы, неподобающих его званию слежек, учебных семинаров.

Учебные семинары! Что ж, по крайней мере, Уотсон не был лишен чувства юмора. Последний, к примеру, назывался «Старший офицер как руководитель и наставник». Это был тихий ужас - вся эта психология, как надо относиться к младшим офицерам, как подключать их к работе, как пробуждать их интерес, как устанавливать с ними контакт. Ребус вернулся в участок и попробовал применить полученные знания на практике: целый день возбуждал интерес и культивировал творческие отношения. В конце дня к нему подошел один из офицеров и с улыбкой похлопал по спине:

– Чертовски трудная работенка, а, Джон? Но мне понравилось.

– Убери свою грязную лапу с моей спины, – огрызнулся Ребус, – и не смей называть меня «Джон».

У офицера отвисла челюсть.

– Но ты же сам говорил... – начал он, но так и не закончил фразы. Праздник завершился. Ребус попробовал себя в роли наставника. Попробовал и возненавидел это дело.

Спускаясь по лестнице в метро, он остановился, плюхнул на ступеньку чемодан и портфель, открыл спортивную сумку и, достав из нее транзистор, приложил его к уху, другой рукой пытаясь настроиться на нужную волну. Наконец он поймал сводку новостей и начал слушать, глядя на пробежавших мимо него людей. Некоторые оборачивались, чтобы поглазеть на него, но большинство даже не смотрело в его сторону. Услышав то, что ему было нужно, Ребус выключил приемник и швырнул его обратно в сумку. Потом он расстегнул портфель и достал путеводитель. Пролистывая страницы с перечнем улиц, он начал постепенно осознавать, что Лондон – это огромный город. Огромный и густонаселенный. Что-то около десяти миллионов, так? Всего-навсего две Шотландии. Даже подумать страшно. Десять миллионов душ.

– Десять миллионов плюс одна, – пробурчал Ребус, найдя наконец улицу, которую он так долго искал.

Комната ужасов

– Не самое приятное в мире зрелище.

Оглянувшись вокруг, инспектор Джордж Флайт попытался понять, что имел в виду сержант – само тело или место преступления. Отдавая должное Оборотно, необходимо отметить, что тот не был особенно привередлив в отношении окружающей обстановки. На этот раз убийство было совершено на берегу реки. Хотя, если честно, Флайт никогда не думал о Ли как о реке. Это скорее

напоминало свалку: сюда свозили сломанные тележки из супермаркетов. Один берег грязноватой холодной речушки был заболочен, а другой застроен приземистыми производственными постройками. Вероятно, если идти вдоль Ли от Темзы, можно добраться аж до самого Эдмонта, а то и дальше: узенькая речушка несла свои черные воды из восточной части Центрального Лондона на север столицы и за ее пределы. Подавляющее большинство лондонцев и не подозревало о ее существовании.

Однако Джорджу Флайту было прекрасно известно о ней. Он вырос в районе Тоттенхэм-Хейл, неподалеку от Ли. Его отец ловил рыбу между шлюзами Стоунбридж и Тоттенхэм. Когда Флайт был мальчишкой, он играл в футбол на болотах, втихаря покуривал с приятелями, прячась в высокой траве, неумело развешивал белье, борясь с налетающим на пустоши ветром, как раз напротив того места, где он сейчас стоял.

Флайт прошел по тропе вдоль берега. Теплыми воскресными вечерами здесь обычно толкся народ. Вдоль берега реки стояли пивные, и приятно было, выйдя на улицу с кружечкой пива в руках, наблюдать за проплывающими мимо судами. Но по ночам только самые отчаянные и храбрые или же пьяные до чертиков рискнули бы пройти по этой тихой и слабоосвещенной дороге. Отчаянные, храбрые и пьяные... И, естественно, местные жители. Джин Купер была местной жительницей. Расставшись с мужем, она поселилась вместе с сестрой в относительно новом небольшом домике у реки. Она работала в винном магазинчике на Ли-Бридж-роуд. Ее рабочий день заканчивался в семь вечера. Дорога вдоль берега реки была для нее кратчайшим путем домой.

Ее тело было обнаружено в девять сорок пять двумя молодыми людьми, направлявшимися в одну из пивных. Они выбежали на дорогу и остановили полицейскую машину. Дальнейшие события развивались в обычном порядке. Прибыл медицинский эксперт. Его встретили детективы из полицейского участка Стоук-Ньюингтона, которые в свою очередь, оценив характер преступления, связались с Флайтом.

Когда он появился на месте происшествия, все уже были заняты своим делом и страшно суетились. Тело жертвы было опознано, жители ближайших домов допрошены, даже сестра жертвы уже была найдена. Группа полицейских беседовала с судмедэкспертами. Территорию вокруг тела огородили, натянув специальную ленту, и, чтобы проникнуть внутрь, нужно было сперва прикрыть волосы и натянуть на ноги полиэтиленовые пакеты. Двое фотографов делали

снимки, используя осветительную аппаратуру, подключенную к переносному генератору. Рядом с генератором стоял микроавтобус, в котором сидел еще один фотограф, пытаясь вытащить из видеокамеры застрявшую пленку.

– Все эта чертова дешевая пленка, – проворчал он, – когда покупаешь, кажется, что сэкономил, а потом выясняется, что где-нибудь посередине она или перекручена, или искорежена.

– Так не покупай по дешевке, – посоветовал Флайт.

– Спасибо, Шерлок, – съязвил фотограф, понося на чем свет стоит дешевую пленку, продавца и его киоск на Брик-лейн. Ведь он буквально только что ее купил.

Между тем судмедэксперты, обсудив детали нападения, приблизились к телу и, вооружившись липкой лентой, ножницами и кипой больших полиэтиленовых пакетов, принялись с величайшей осторожностью снимать образцы волос и волокон. Флайт стоял чуть поодаль, наблюдая за ними. В слепяще-белом свете переносной осветительной аппаратуры все происходящее походило на некое зловещее театральное действие, которое разыгрывалось перед застывшим в кромешной тьме Флайтом. Боже правый, каким же терпением надо обладать для подобной работы! Все следует сделать по правилам и при этом не упустить ни единой детали. Флайт даже не успел осмотреть тело. Его черед еще не настал. И возможно, еще не скоро настанет.

Из полицейского «форда-сьерра», припаркованного на Ли-Бридж-роуд, доносились приглушенные рыдания. На заднем сиденье машины женщина-констебль пыталась утешить сестру Джин Купер, уговаривая ее выпить горячего чая с сахаром. Та только-только начинала осознавать, что сестры больше нет. Но Флайт понимал, что это еще не самое страшное: хуже всего ей придется в морге при опознании тела сестры.

С опознанием Джин Купер проблем не будет. Ее сумочка, на первый взгляд не тронутая, валялась чуть поодаль на дороге. Там оказались какие-то письма и ключи от дома с биркой, на которой был написан адрес. Флайту не давали покоя эти ключи. Как это глупо, подумал он, привешивать к ключам свой адрес. Хотя какое это теперь имеет значение. Коль скоро преступление свершилось, его уже нельзя предотвратить. Опять возобновился плач, постепенно переходящий в

жалобный вой, поднимавшийся прямо в пылающее оранжевое небо, низко нависшее над болотами и рекой Ли.

Флайт бросил взгляд в сторону тела, а затем решительно зашагал по той тропе, которой накануне прошла Джин Купер, свернув с Ли-Бридж-роуд. Она не успела пройти и пятидесяти ярдов, как на нее напали. Пятьдесят ярдов в сторону от оживленной, ярко освещенной магистрали и менее двадцати – до начала ряда домов. Но этот участок пути в темное время суток освещался только уличным фонарем, давно уже выведенным из строя (может, теперь муниципалитет расстарается и починит его), и рассеянным светом из окон квартир. А темнота, как известно, лучший друг злоумышленника. Идеальный сообщник для самого отвратительного преступления.

У него еще не было стопроцентной уверенности, что убийство – дело рук Оборотня; пока утверждать это рановато. Однако он нутром это чувствовал. Местность вполне подходящая. Колотые раны на теле жертвы выдают почерк преступника. И еще одно: Оборотень не дает о себе знать уже почти три недели. Три недели, в течение которых его след успел остыть, словно мутные воды реки Ли. Но теперь он снова рискнул, нанеся удар поздним вечером, а не ночью, как это бывало раньше. Он мог попасться кому-то на глаза. Из-за необходимости быстро скрыться он мог оставить улику. Господи, сделай так, чтобы он оставил хоть одну зацепку! Флайт погладил себя по животу. Червячки притихли; должно быть, растворились в желудочной кислоте. Он вдруг почувствовал себя хорошо и спокойно – в первый раз за последние несколько дней.

– Простите... – раздался чей-то приглушенный голос, и Флайт посторонился, чтобы пропустить двух аквалангистов, вооруженных мощными фонариками. «Не хотел бы я оказаться на месте этих ребят», – подумал Флайт. Вода в реке была темная, грязная, ледяще-холодная и по консистенции напоминала суп. Но сейчас в речной мути придется покопаться. Если убийца случайно что-то туда обронил или бросил нож, его необходимо найти, и как можно быстрее, потому что к началу дня любая улика будет погребена под слоем ила или принесенного течением мусора. Так что время поджимает. Именно по этой причине, едва узнав об очередном убийстве, Флайт, еще до того, как отправиться на место преступления, сразу же дал команду начать расследование. Жена, прощаясь, погладила его по руке: «Постарайся не задерживаться». Но оба они знали, что эти слова бессмысленны – всего лишь привычный ритуал.

Он наблюдал за тем, как первый аквалангист погрузился в воду, замороженный сиянием, исходящим от его фонарика. Второй аквалангист последовал за ним и тоже исчез из поля зрения. Флайт посмотрел на небо. Прямо над ним висела тяжелая пухлая туча. Утром обещали дождь. Дождь смывает следы, волокна, пятна крови и волосы, смешав их с грязью на тропинке. Если они успеют завершить работу до наступления дождя, то им не придется прибегать к помощи пластиковых тентов.

- Джордж!

Флайт обернулся: к нему приближался человек – лет пятидесяти, высокий, с мертвенно-бледным лицом, озаренным широкой ухмылкой – настолько широкой, насколько позволяло его узкое лицо. В левой руке он сжимал объемистую черную сумку, а правую протягивал Флайту для приветствия. Рядом с ним шагала эффектная женщина приблизительно одних лет с Флайтом. На самом деле, если ему не изменяла память, она была моложе его ровно на месяц и один день. Ее звали Изабель Пенни, и она являлась, мягко выражаясь, «ассистенткой» и «секретарем» бледнолицего. Тот факт, что они спали вместе в течение последних восьми или девяти лет, никем и никогда не обсуждался, хотя это не мешало Изабель посвящать Флайта во все подробности их интимной жизни только на том основании, что они когда-то учились вместе в школе и с тех пор поддерживали дружеские отношения.

- Привет, Филип, – сказал Флайт, пожимая руку патологоанатому.

Филип Казенс был не просто патологоанатомом Департамента внутренних дел; он был лучшим патологоанатомом в департаменте, чья безупречная репутация за двадцать пять лет работы, по сведениям Флайта, не была подмочена ни единым опрометчивым шагом. Его наблюдательность, внимание к деталям и упорство помогли ему раскрыть или способствовать раскрытию не одного десятка убийств – от удушения в Стритхеме до отравления члена правительства в Вест-Индии. Те, кто не знал его, полагали, что он выглядит весьма зловеще – мертвенно-бледное лицо, темно-синий костюм... Они и не догадывались о его потрясающем чувстве юмора, доброте или о том, как он буквально завораживал студентов-медиков своими невероятно популярными лекциями. Флайту довелось присутствовать на одной из них – что-то по поводу атеросклероза, и, сказать по правде, никогда в жизни он так не веселился.

– А я-то думал, что вы в Африке, – проговорил он, приветствуя Изабель дружеским поцелуем в щеку.

Казенс вздохнул:

– Так оно и было, но Пенни вдруг заскучала по дому. – Он всегда звал ее только по фамилии.

В ответ она игриво хлопнула его по руке:

– Врунишка! – и обратила на Флайта взгляд своих бледно-голубых глаз. – Это все он, – добавила она, – жить не может без своих трупов. У нас впервые в жизни выдался нормальный отпуск. И то ему стало скучно! Представляешь, Джордж?

Флайт улыбнулся и покачал головой:

– Я рад, что вы по крайней мере попытались. Похоже, здесь еще одна жертва Оборотня.

Казенс взглянул через плечо Флайта. Фотографы до сих пор делали снимки, а эксперты копошились вокруг трупа, похожие на мух, облепивших мертвое тело. Казенсу довелось осматривать три предыдущие жертвы Оборотня, и такого рода опыт мог бы сейчас помочь. И не только потому, что он знал, на что в первую очередь обратить внимание, какие именно действия были характерны для Оборотня; он мог также заметить какие-то новые детали, что-то, позволяющее сделать вывод об изменении способа убийства; скажем, о выборе другого орудия преступления или изменении угла, под которым был нанесен удар.

Что касается Флайта, для него психологический портрет Оборотня складывался постепенно, из крошечных деталей, но именно Казенс мог дать точный ответ, как эти детали стыкуются друг с другом.

– Инспектор Флайт?

– Да?

К нему приближался человек в твидовом пиджаке и с бесчисленным количеством сумок в руках. За ним по пятам следовал констебль. Человек в твидовом пиджаке поставил сумки на землю и представился:

– Джон Ребус. – Лицо Флайта осталось непроницаемым. – Инспектор Ребус. – Вперед выдвинулась рука, и Флайт пожал ее, почувствовав крепкую хватку незнакомца.

– Ах, ну да, – сказал он, – вы только что прибыли, верно? – Он бросил многозначительный взгляд на сумки. – Мы ждали вас не ранее чем завтра, инспектор.

– Прямо на вокзале я услышал по радио... – Ребус кивнул в сторону освещенной площадки. – Так что я подумал: будет лучше, если я приеду сразу, не теряя времени.

Флайт кивнул, напустив на себя деловой вид. На самом деле он пытался выиграть время, продираясь сквозь дебри тяжеловесного шотландского акцента. Один из судмедэкспертов поднялся с корточек и подошел к ним.

– Здравствуйте, доктор Казенс, – сказал он, прежде чем обернуться к Флайту. – Мы тут уже закончили, так что если доктор Казенс хочет... – Флайт взглянул на Филипа. Тот важно кивнул:

– Идем, Пенни.

Флайт собрался было последовать за ними, но тут вспомнил о вновь прибывшем. Он опять обернулся к нему, скользнув взглядом по его лицу и нелепому простоватому пиджаку. Ребус был похож на героя глупого телесериала про детективов. Сказать по правде, он совсем не вписывался в общую картину происшествия на этой столичной дороге в непроницаемой мгле.

– Хотите взглянуть? – великодушно предложил Флайт. Ребус энергично закивал. – Ладно, можете оставить ваши сумки прямо здесь.

Они зашагали вперед, вслед за Казенсом и Изабель.

– Доктор Филип Казенс, – показал Флайт, – возможно, вы слышали о нем.

Ребус медленно покачал головой. Флайт посмотрел на него с таким видом, будто тот встретил на улице королеву-мать и не узнал ее.

– О, – холодно промолвил он. А затем, показав на Изабель, добавил: – А это Изабель Пенни, ассистентка доктора Казенса.

Услышав собственное имя, Изабель с улыбкой повернула голову. От своего спутника она отличалась как солнце от ущербного месяца. У нее было привлекательное лицо: круглое, по-детски наивное, с нежным румянцем на щеках. Высокая, но хорошо сложенная – отец Ребуса назвал бы ее «голенастой». К тому же, не в пример Казенсу, она могла похвастаться здоровым цветом лица. Ребус не помнил, чтобы ему когда-нибудь доводилось видеть патологоанатома со здоровым цветом лица. Он полагал, что все дело в искусственном освещении, при котором они проводят большую часть рабочего времени.

Они подошли к телу. Первое, что успел заметить Ребус, был нацеленный на него глаз видеокамеры, которая через мгновение вновь сфокусировалась на труп. Флайт беседовал с одним из судмедэкспертов. Не глядя друг на друга, они сосредоточенно изучали полоски клейкой ленты, с помощью которой обследовали тело.

– Да, – говорил Флайт, – пока не нужно посылать это в лабораторию. Мы сделаем новое исследование в морге.

Человек кивнул и удалился. Со стороны реки послышался шум. Ребус обернулся и увидел, как на поверхности воды появился аквалангист, оглянулся вокруг и снова нырнул. Ребус знал место, подобное этому, в Эдинбурге – река, протекающая в восточной части города, петляющая между парками, пивоварнями и пустырями. Как-то раз ему довелось расследовать там убийство – у самой воды, под мостом, было обнаружено тело бродяги со следами жестоких побоев. Найти убийцу не составило труда: им оказался другой бродяга. Не поделили жестянку с сидром. Суд вынес решение о непредумышленном убийстве. Но на самом-то деле это было убийство более чем умышленное – совершенное с особой жестокостью. Ребус так и не смог забыть о том несчастном.

– Думаю, нам надо, не теряя времени даром, обернуть ей руки, – заявил доктор Казенс хорошо поставленным голосом сотрудника Департамента внутренних дел. – В морге я хорошенько их рассмотрю.

– Неплохая идея, – сказал Флайт, отправившись за дополнительной порцией полиэтиленовых пакетов.

Ребус наблюдал за работой патологоанатома. Тот вытащил диктофон и время от времени что-то в него наговаривал. Изабель Пенни достала альбом и принялась зарисовывать тело.

– Скорее всего, бедняжка умерла еще до того, как упала на землю, – говорил доктор Казенс, – следы ушибов незначительны. На мой взгляд, она умерла именно на этом месте. Об этом свидетельствует характер следов трупного окоченения.

К тому времени, когда Флайт вернулся с пакетами, Казенс измерил температуру воздуха и температуру тела. Ребус рассеянно наблюдал за действиями патологоанатома. Тропа, на которой они стояли, была длинной и достаточно прямой. Это значило, что убийца непременно заметил бы любого приближавшегося к нему прохожего. А поскольку рядом есть жилые дома и протекает основное шоссе, крики жертвы наверняка кто-нибудь да слышал. Завтра предстоит опросить жильцов всех домов в округе. На дороге, где было найдено тело, валялся всякий мусор: ржавые консервные банки, пакеты, бумажки, поблекшие обрывки газет. В реке тоже плавал мусор, в том числе и ярко-красная ручка от тележки из супермаркета. В это время вынырнул другой аквалангист, и его голова и плечи закачались над водой. На мосту, там, где реку пересекало шоссе, собрались зеваки, пялившиеся на освещенную площадку. Полицейские пытались оттеснить их, чтобы освободить как можно больше места для оперативной работы.

– Судя по следам грязи на ногах и ушибам, – продолжал доктор, – можно утверждать, что жертва сама упала на землю или ее толкнули лицом вниз. И только потом ее перевернули... – Голос Казенса звучал ровно и безучастно.

Ребус несколько раз глубоко вздохнул и решил, что и так слишком долго оттягивал неизбежное. Он приехал в Лондон исключительно по доброй воле, однако вовсе не ради собственного удовольствия. Но уж поскольку он здесь

очутился, было бы глупо не воспользоваться случаем и самому не осмотреть тело. Он отвернулся от реки, аквалангистов, зевак, полицейских, охранявших место преступления. Он отвернулся и от своего багажа, брошенного прямо посреди дороги, и сосредоточил внимание на жертве.

Она лежала на спине с вытянутыми вдоль тела руками и сдвинутыми ногами. Ее колготки и штаны были спущены до колен, но юбка не задрана, хотя Ребус заметил, что сзади она слегка поддернута. Яркая спортивная куртка была расстегнута, блузка разорвана, но лифчик остался цел. Длинные прямые черные волосы разметались, открывая большие серьги в виде колец. Возможно, женщина была красива несколько лет назад, но время прошло по ней, уничтожив все следы привлекательности. Убийца довершил работу времени. Лицо и волосы были перепачканы кровью, вытекшей из рваной раны на ее горле. Откуда-то из-под юбки тоже сочилась кровь.

– Переворачиваем ее, – сказал доктор Казенс в диктофон. Так он и сделал, не без помощи Флайта, а потом поднял ее волосы, чтобы обнажить заднюю часть шеи. – Колотая рана, – добавил он в диктофон, – совпадающая с идентичной раной на горле, большей по размеру. Я бы сказал, что это выходное отверстие раны.

Но Ребус уже не слышал патологоанатома. Он в ужасе уставился на то место, где была поддернута юбка. Поясница, ягодицы и задняя поверхность бедер буквально пропитались кровью. Из служебных рапортов он знал, откуда натекло столько крови, но от этого было ничуть не легче перенести тот ужас, который предстал перед его глазами. Он попытался сделать несколько глубоких вдохов. Его никогда не рвало на месте преступления, и он не хотел, чтобы это случилось сейчас.

«Смотри не облажайся», – сказал ему шеф. Тогда это был вопрос чести. Но теперь Ребус понимал, что его задача оказалась гораздо серьезнее, чем просто не ударить в грязь лицом перед лондонскими зазнайками. И заключалась эта задача в том, чтобы поймать извращенца, отвратительного жестокого садиста, и сделать это как можно быстрее – прежде, чем он нанесет новый удар. И если потребуются серебряные пули, он достанет их из-под земли.

* * *

Ребуса все еще трясло, когда он стоял у микроавтобуса.

Кто-то протянул ему пластиковый стаканчик с чаем.

– Спасибо.

Конечно, он мог объяснить свою лихорадку промозглой погодой. Хотя на самом деле было не так уж холодно. Пасмурно, ни малейшего ветерка. В любое время года в Лондоне бывает на несколько градусов теплее, чем в Эдинбурге, и ветер здесь не такой холодный и пробирающий до костей. Если бы Ребуса спросили, какая стоит погода, ему пришлось бы честно ответить, что вполне приятная.

Он на миг прикрыл глаза – не от усталости, а просто чтобы не видеть остывающего тела Джин Купер. Но зловещий образ словно бы отпечатался на его закрытых веках. Ребус с облегчением отметил, что даже инспектор Джордж Флайт не смог остаться безучастным. Он говорил и двигался неторопливо, напряженно, как если бы из последних сил сдерживал какой-то порыв – желание закричать или стукнуть кулаком. Аквалангисты вылезли из реки ни с чем. Утром они возобновят поиски, но, судя по их голосам, надежды было мало. Флайт слушал их, кивая, Ребус непрерывно наблюдал за ним, поглядывая поверх стакана с чаем.

Джорджу Флайту было под пятьдесят – на несколько лет больше, чем Ребусу. Он был невысок ростом, а если выразиться точнее, приземист и коренаст. Несмотря на намечающееся брюшко, он мог похвастаться мощной мускулатурой. Даже не меряясь с ним силами, Ребус сразу отдал ему пальму первенства. Его темные вьющиеся волосы все еще оставались густыми, слегка поредев только на макушке. На нем была обтягивающая кожаная куртка и джинсы. Большинство мужчин его возраста выглядели нелепо в джинсах, но только не Флайт. Эта одежда как нельзя лучше соответствовала его энергичной деловой манере и походке.

Много лет назад Ребус мысленно разделил всех, кто работает в Управлении уголовного розыска, на три условные группы: ребята в кожанках и джинсах, которые хотят выглядеть так же круто, как они себя ощущают; хитрецы, щеголяющие в костюмах с галстуками, ищущие уважения и продвижения по службе (порядок произвольный); и наконец, неопределенного вида типы, которые по утрам надевают все, что попадется под руку. Как правило, их гардероб – результат набега на какой-нибудь крупный универмаг. Большинство мужчин из управления относились к неопределенному типу. Ребус признавал,

что и сам он из их числа. И все-таки, глядя на себя в боковое зеркальце, он полагал, что смотрится совсем не плохо. Однако тем, кто носит костюмы и галстуки, никогда не удавалось найти общий язык с ребятами в кожанках и джинсах.

Теперь Флайт пожимал руку какому-то внушительному господину, который вынул ее из кармана исключительно ради рукопожатия и слушал Флайта, опустив голову и задумчиво кивая. Казалось, будто он погружен в собственные мысли. На нем были костюм и темное пальто из чистой шерсти. Его наряд смотрелся столь безукоризненно, словно рабочий день только начался. К тому моменту все уже стали понемногу уставать – людей выдавали помятые лица, несвежая одежда. За исключением двух персон: доктора Казенса и этого господина.

Господин пожал руку и самому доктору Казенсу, и его ассистентке. А потом Флайт повел рукой в сторону микроавтобуса... Нет, в сторону Ребуса! Они направлялись в его сторону! Ребус отодвинул пластиковый стакан от лица и быстро переложил его из правой руки в левую, на случай, если предстоит рукопожатие.

– Это инспектор Ребус, – сказал Флайт.

– А, наш человек с северной окраины, – проговорил внушительный господин со сдержанной снисходительной улыбкой.

Ребус улыбнулся в ответ, но при этом глядел на Флайта.

– Инспектор Ребус, это старший инспектор Говард Лейн.

– Очень приятно. – Рукопожатие. Говард Лейн: прямо как название улицы.

– Итак, – молвил старший инспектор Лейн, – вы приехали сюда, чтобы помочь нам решить эту маленькую проблему?

– Видите ли... – начал Ребус, – я не уверен, что смогу что-то сделать, но все почему-то уверены, что я сделаю все, что от меня зависит.

Повисла пауза, во время которой Лейн улыбнулся, но ничего не сказал. И вдруг Ребуса как громом поразило: они его не понимают! Они стоят тут и улыбаются, не понимая его акцента. Ребус откашлялся и сделал еще одну попытку:

– Я к вашим услугам, сэр.

Лейн снова улыбнулся:

– Превосходно, инспектор, превосходно. Уверен, инспектор Флайт введет вас в курс дела. Устроились нормально?

– Да как бы вам сказать...

– Инспектор Ребус прибыл прямо сюда, сэр, как только узнал об убийстве, – вмешался Флайт. – Он только что приехал в Лондон.

– Неужели? – Лейн сделал вид, будто удивлен, но Ребус заметил, что старший инспектор начинает нервничать. Это пустая болтовня, а он не мог позволить себе болтать. Его глаза забегали.

– Ну, инспектор, я уверен, мы встретимся снова, – сказал он и добавил, повернувшись к Флайту: – Мне пора, Джордж. Все под контролем? – Флайт едва успел кивнуть. – Ладно, хорошо... – И с этими словами старший инспектор зашагал к машине, сопровождаемый Флайтом.

Ребус облегченно вздохнул. Он, как никогда прежде, чувствовал себя здесь не в своей тарелке. Он понимал, что никому здесь не нужен, и задавал себе вопрос, кому принадлежала эта дурацкая идея послать его сюда для расследования дела Оборотня. Не иначе как парню с весьма извращенным чувством юмора. Его шеф скрепя сердце передал ему письмо.

– Можно подумать, Джон, что ты стал экспертом по серийным убийцам, – пробурчал он, – а у них там, в Лондоне, туговато с этим делом. Так вот, они хотят, чтобы ты покрутился несколько дней в столице, а они поглядят, будет ли от тебя толк, подбросишь ли ты им пару свежих идей.

Накануне Ребус прочел письмо из Лондона, не веря своим глазам. В этом письме упоминалось дело о детоубийце – дело, которое Ребусу удалось раскрыть. Но те преступления совершал не серийный убийца, а человек, движимый жадой мести.

– Я ничего не знаю о серийных убийцах, – попытался возразить он шефу.

– Но зато побудешь там в неплохой компании, ведь так?

А теперь он стоит здесь, на этом пустыре на северо-востоке Лондона, с чашкой отвратительного чая в руках; в животе урчит, нервы на пределе, даже его багаж, валяющийся на дороге, выглядит таким же жалким и нелепым, как и он сам. Прибыл сюда, чтобы решить неразрешимое. Наш человек с северной окраины. Кому в голову пришла эта дурацкая идея прислать его сюда? Ни одно полицейское управление в стране ни за что не признает собственное поражение; и все же, вызвав его сюда, столичная полиция расписалась в собственной беспомощности.

Когда Лейн уехал, Флайт вроде слегка расслабился. Он даже одарил Ребуса ободряющей улыбкой, перед тем как отдать команду двум парням, работавшим, очевидно, на труповозке. Получив распоряжения, они пошли к своей машине, а затем вернулись с объемистым пластиковым пакетом, свернутым в рулон. Перейдя через ленту ограждения, они остановились перед телом, положив рядом пакет. Это была полупрозрачная сумка около шести футов длиной, с «молнией» по всей длине. Доктор Казенс внимательно следил за тем, как эти двое открыли сумку, погрузили в нее тело и застегнули «молнию». Один из фотографов решил сделать еще пару снимков того места, где лежало тело, пока страшную сумку переносили в машину.

Ребус заметил, что толпа зрителей рассосалась, остались только самые любопытные. Одного из них, в блестящей черной кожаной куртке с еще более блестящей серебряной «молнией» и мотоциклетным шлемом в руках, вяло оттеснял усталый констебль.

Ребус и сам чувствовал себя зрителем, думая о бесконечных телефильмах, в которых детективы на первой минуте толпятся на месте преступления, а уже на пятьдесят девятой или восемьдесят девятой благополучно распутывают убийство. Смех, да и только. Работа в полиции – это... Одним словом, работа:

рутина, скука, разочарование и время, время, время... Он посмотрел на часы. Было ровно два. Его отель находится в Центральном Лондоне, где-то у площади Пикадилли. Дорога туда займет минут тридцать-сорок, если, конечно, подвернется свободная патрульная машина.

- Вы едете? - окликнул его Флайт, стоявший в нескольких ярдах от него.

- Можно, - отозвался Ребус, догадываясь, что тот имеет в виду.

Флайт улыбнулся:

- Вот что я вам скажу, инспектор Ребус... Прорвемся.

- «Всем известная шотландская стойкость», - ответил Ребус цитатой из репортажа одной воскресной газеты о матче по регби. Флайт от души расхохотался. Это заставило Ребуса поверить в то, что он не зря приехал сюда. Лед еще не был сломан, но уже тронулся.

- Тогда пошли. У меня своя машина. Попрошу кого-нибудь сунуть ваши вещи в багажник. В моем замок сломан. Кто-то пытался взломать его пару недель назад. - Он взглянул прямо в глаза Ребусу, пожалуй, в первый раз за все это время. - В наши дни нигде не чувствуешь себя в безопасности... Нигде.

На дороге уже намечалось некоторое оживление. Гул голосов, хлопанье дверцами. Некоторые офицеры, конечно, останутся охранять место преступления. Другие же смогут отдохнуть в полицейском участке, а самые счастливые (неслыханная удача, даже трудно представить) - в собственных постелях. Несколько машин будут сопровождать микроавтобус с телом в морг.

Ребус ехал на переднем сиденье машины Флайта. Оба безуспешно пытались придумать тему для разговора и в результате практически всю дорогу молчали, разговорившись только перед концом поездки.

- Имя жертвы удалось установить? - спросил Ребус.

- Джин Купер, - ответил Флайт, - мы нашли в ее сумочке удостоверение личности.

- А почему она оказалась на этой темной тропинке?

- Она возвращалась домой с работы. Работала в винном магазинчике неподалеку. Ее сестра говорит, что она заканчивала в семь.

- В котором часу нашли тело?

- В девять сорок пять.

- Но это же значительный промежуток времени.

- У нас есть свидетели, которые видели ее в «Собаке и утке». Это пивная недалеко от лавки, где она работала. Она иногда заходила туда после работы, чтобы пропустить стаканчик. Барменша вспоминает, что она ушла в девять или что-то около того.

Ребус уставился в окно. На улицах было довольно людно, учитывая столь поздний час. Они проезжали мимо групп оживленной хриплоголосой молодежи.

- Здесь недалеко есть один клуб, «Стоки», - пояснил Флайт, - очень популярный. Но когда он закрывается, автобусы уже не ходят, и поэтому им приходится добираться до дому пешком.

Ребус кивнул, а затем переспросил:

- «Стоки»?

Флайт улыбнулся:

- «Стоки Ньюингтон». Вы, должно быть, проезжали мимо него по пути с Кингз-Кросс.

- А бог его знает, - отозвался Ребус, - для меня все они на одно лицо. Вероятно, водитель такси принял меня за туриста: мы так долго ехали от вокзала, будто добирались до места преступления по лондонской окружной дороге. - Ребус думал, что Флайт засмеется, но тот только выдавил кривую улыбку. Снова воцарилось молчание. - Эта Джин Купер не замужем? - наконец спросил Ребус.

– Замужем.

– Но у нее нет обручального кольца.

Флайт кивнул.

– Она разошлась с мужем. Жила с сестрой. Детей не было.

– И пошла в одиночестве пропустить стаканчик.

Флайт уставился на Ребуса:

– Что вы сказали?

Ребус пожал плечами:

– Ничего. Просто она любила время от времени поразвлечься. Так она и встретила своего убийцу.

– Возможно.

– В любом случае, знала она его или нет, убийца мог преследовать ее от дверей пивной.

– Мы опросим всех, кто был там, не волнуйтесь.

– Или же, – Ребус рассуждал сам с собой, – убийца ждал ее у реки. Точнее, того, кто там появится. Кто-то должен был его видеть.

– Мы опросим всех, кто живет по соседству, – сказал Флайт. Его тон сделался значительно более жестким.

– Простите, – сказал Ребус, – тяжелый случай. Я забыл всем известную народную мудрость: «Яйца курицу не учат».

Флайт снова обернулся к нему. Они вот-вот должны были повернуть налево и въехать в больничные ворота.

– В курицы я не гожусь, – сказал он, – и вы вправе высказывать любые догадки. Может статься, вам придет в голову то, о чем я еще не подумал.

– Конечно, в Шотландии этого не случилось бы, – сказал Ребус.

– Ах так? – усмехнувшись, отозвался Флайт. – Интересно, почему же? Вы там у себя на севере слишком цивилизованные, что ли? Помню времена, когда ваши футбольные фанаты были самыми лютыми в мире. А может, они и теперь такие, только прикидываются паиньками.

Ребус покачал головой:

– Нет, я имел в виду, не приключилось бы такой истории с Джин Купер. У нас по воскресеньям не продают спиртное.

Ребус замолчал и уставился в окно, держа свои мысли при себе, мысли, которые теперь текли по очень прямому руслу: пошел ты на фиг. За многие годы эти слова стали для него своего рода заклинанием. Пошел ты на фиг. ПТНФ. Лондонцу вполне хватило двадцати минут пути, чтобы показать, что он на самом деле думает о шотландцах.

Когда Ребус вылезал из машины, он, глянув в заднее стекло, впервые увидел то, что лежало на заднем сиденье машины. Не успел он и рта раскрыть, как Флайт протестующе поднял руку.

– Даже и не спрашивайте, – проворчал он, смущенно хлопая дверцей. – И послушайте, мне правда неудобно за мои слова...

В ответ Ребус пожал плечами и нахмурился. Не может, в конце-то концов, не быть логического объяснения тому факту, что на заднем сиденье машины инспектора, на которой он ездил на место преступления, все это время находился огромный плюшевый медведь. «Будь я проклят, – подумал Ребус, – если я понимаю, что это значит. А может, медведь мне просто привиделся?..»

* * *

Морг – это место, где мертвые перестают быть людьми, становясь мешками с мясом, потрохами, кровью и костями. Ребуса никогда не тошнило на месте преступления, но в начале службы в полиции, стоило ему попасть в морг, содержимое его желудка незамедлительно вырывалось наружу, чтобы, в свою очередь, стать объектом исследования.

Работник морга был жизнерадостным маленьким человеком с синевато-багровым родимым пятном в пол-лица. Он, видимо, отлично знал доктора Казенса и поэтому приготовился к прибытию трупа со свитой полицейских. Казенс проверял прозекторскую, в то время как сестру Джин Купер тихо препроводили в приемную для проведения формального опознания. Несколько мучительных секунд, и полицейские уже уводили ее прочь из этого места с подобающими утешениями. Они отвезут ее домой, но Ребус был уверен, что в эту ночь заснуть ей не удастся. По правде говоря, зная, сколько времени может потребоваться скрупулезному полицейскому патологоанатому для проведения вскрытия, он сомневался, удастся ли вообще кому-либо заснуть до утра.

Тем временем мешок с телом внесли в прозекторскую и труп положили на стол, под жужжащие ослепительные лампы. Помещение было стерильным, но кафель на стенах потрескался. Воздух был пропитан отвратительным запахом каких-то химикатов. Все разговаривали вполголоса, но не из уважения к смерти, а скорее из первобытного страха перед ней. Морг в конечном итоге был одним бесконечным напоминанием о смерти – мemento мори. То, что должно было произойти с телом Джин Купер, послужило бы для всех наглядным примером: если верно, что тело – это храм, его можно запросто осквернить, разграбить, выдать все его сокровенные тайны.

Чья-то рука мягко опустилась на плечо Ребуса. Он ошарашенно повернулся и увидел сзади себя мужчину. Впрочем, слово «мужчина» в данном случае не вполне подходило к объекту. Высокий хмурый парень с коротко остриженной густой шевелюрой и прыщеватым лицом выглядел лет на четырнадцать. Ребус решил, что ему, должно быть, лет двадцать пять.

– Вы тот самый Джок[4 - Джок – пренебрежительное прозвище шотландцев у англичан.], верно?

Ребус промолчал. ПТНФ.

– Ага, я так и думал. Это вы раскрыли то преступление, правда? – Ухмылка, сопровождавшая вопрос, состояла на три четверти из презрения, а на четверть – из раздражения. – Мы не нуждаемся в помощи.

– А я вижу, вы уже познакомились с констеблем Лэмом, – сказал Джордж Флайт, – а я только собирался вас представить.

– Я безумно рад, – проговорил Ребус, вперив неподвижный взгляд в прыщавый лоб Лэма. Лэм! [L - Lamb (англ.) – ягненок.] Ну и фамилия! Да за всю историю человечества не было случая, чтобы фамилия так не подходила хозяину, подумал Ребус.

Доктор Казенс, стоя над прозекторским столом, громко прочищал горло.

– Господа. – Доктор обращался сразу ко всем присутствующим, намекая тем самым, что готов приступить к работе.

В комнате воцарилась тишина. С потолка свисал микрофон – прямо над столом с трупом.

– Эта штука работает? – обратился Казенс к работнику морга. Тот закивал, продолжая в это время раскладывать на подносе позвякивающие металлические инструменты.

Ребус знал названия всех инструментов и их предназначение. Ножи, пилы, дрели. Одни электрические, другие – ручные. Звуки, которые издавали электрические, были ужасны, зато работа с ними спорилась быстрее; ручные издавали не менее кошмарные звуки, но работа с ними затягивалась до бесконечности. Но прежде, чем откроется эта лавка ужасов, предстоит небольшой перерыв. Сначала с тела медленно и осторожно снимут одежду, тщательно упакуют и передадут на судебную экспертизу.

В то время как Ребус вместе со всеми остальными наблюдал за процессом, двое фотографов делали снимки для последующих поколений; один – цветные, другой – черно-белые. Человек с видеокамерой уже сдался, поскольку его

дешевую пленку окончательно и бесповоротно заело. А может, он просто использовал этот предлог, чтобы держаться подальше от морга.

Наконец, когда с трупа сняли одежду, Казенс показал на нем несколько участков, которые было необходимо сфотографировать крупным планом. Снова появились судмедэксперты с липкой лентой, чтобы повторить ту процедуру, которая уже проводилась на тропе у реки. Не зря этих парней прозвали «ребятами со скотчем».

Казенс направился к той группе, где стояли Ребус, Флайт и Лэм.

– Полцарства за чашку чая, Джордж.

– Я посмотрю, что можно сделать, Филип. А как насчет Изабель?

Казенс повернулся туда, где Изабель делала новые зарисовки, невзирая на обилие фотографий.

– Пенни, – позвал он, – хочешь чайку?

Ее глаза слегка расширились, и она энергично закивала.

– Хорошо, – сказал Флайт, направляясь к двери.

Ребус подумал, что ему, должно быть, уже давно не терпелось уйти, хотя бы даже на время.

– Вот гнусный типчик, – сказал Казенс. Ребусу показалось на какой-то миг, что он имеет в виду Джорджа Флайта, но Казенс махнул рукой в сторону трупа. – Творить такое раз за разом, без всякого мотива, просто ради... Ради удовольствия, я полагаю.

– Мотив есть всегда, сэр, – возразил Ребус, – вы сами только что это сказали. Удовольствие. Это и есть мотив. То, как он убивает. То, что он делает. Есть и другой мотив. Просто мы пока не можем его понять.

Казенс уставился на него. Ребус заметил, что в его глубоко посаженных глазах затеплился едва заметный огонек.

– Ну, инспектор, будем надеяться, что кто-то распознает его, прежде чем будет слишком поздно. Четыре трупа за три месяца. Этот человек постоянен, как луна.

Ребус улыбнулся:

– Всем известно, оборотни находятся под влиянием луны, не так ли?

Казенс расхохотался. Его глубокий резонирующий смех звучал слегка диковато в этом скорбном помещении. Лэм не засмеялся, даже не улыбнулся. Он вообще не следил за разговором, как с удовлетворением отметил Ребус. Но и за бортом Лэм не собирался оставаться.

– Он совсем не обязательно волкодлак – может, просто бешеный пес. Хе-хе. Дошло?

– Ну... – проговорил Казенс с таким видом, словно эта шутка была настолько избитой, что на нее и реагировать не стоило. Пора приниматься за дело. Он обернулся к столу. – Господа, вы закончили? – Эксперты разом закивали. – Бижутерию сняли? – Еще один синхронный кивок. – Хорошо. Тогда, если вы готовы, я думаю, пора приступать.

Начало было не таким уж ужасным. Замеры, физическое описание – рост метр шестьдесят восемь, шатенка, что-то в этом роде. Соскобы из-под ногтей поместили в новую порцию полиэтиленовых пакетов. Ребус дал себе зарок купить акции любой компании, которая их выпускает. На каждое расследование, подобное этому, уходят сотни таких пакетов.

А ситуация тем временем становилась все страшней и страшней – медленно, но неотвратимо. Взяв мазки из вагины Джин Купер, Казенс приступил к более серьезной работе.

– ...Большая колотая рана в области горла. Очертания позволяют сделать вывод, что убийца вращал в ней ножом. Нож небольшой. Судя по размеру выходного отверстия раны, я бы предположил, что длина лезвия – около пяти дюймов,

может, чуть поменьше, а ширина – около дюйма, с очень острым концом. На коже вокруг входного отверстия раны видны следы от ударов рукоятки ножа. Это свидетельствует о том, что нож вошел в тело с известной силой. На руках и на ногах жертвы отсутствуют следы борьбы, поскольку у жертвы не было времени защищаться. Существует вероятность, что убийца настиг ее сзади. Вокруг губ и на правой щеке размазана помада. Если на нее напали сзади, возможно, убийца закрыл ей рот левой рукой, чтобы она не кричала, – и размазал помаду по лицу. Удар нанесен правой рукой. Рана на горле нанесена под небольшим углом. Это говорит о том, что убийца был выше жертвы.

Казенс снова откашлялся. Ребус подумал, что теперь они могут со спокойным сердцем вычеркнуть из списка подозреваемых работника морга и одного из фотографов. Все остальные в комнате были не ниже метра семидесяти.

Воспользовавшись внезапной паузой, наблюдатели разом зашаркали ногами, закашлялись, разглядывая друг друга и отмечая про себя мертвенную бледность окружающих лиц. Ребуса поразили заключения, сделанные патологоанатомом. Ведь, по идее, это их работа, а не его. Все патологоанатомы, с которыми Ребусу доводилось сталкиваться раньше, выдавали только голые факты, предоставляя Ребусу право самому делать выводы. Но у Казенса, по-видимому, был свой подход. Может, в душе он был неудавшимся детективом. Ребусу до сих пор не верилось, что патологоанатомом можно стать по собственному выбору.

Появился чай в пластиковых стаканчиках на пластиковом подносе, который принес Флайт. Казенс и Изабель Пенни взяли себе по стакану, третий взял сам Флайт. Некоторые офицеры, мучимые жаждой, бросали на них завистливые взгляды, в том числе и Ребус.

– Теперь я намерен осмотреть анальную рану, – проговорил Казенс между глотками.

Чем дальше, тем хуже. Ребус пытался сосредоточиться на словах Казенса, но это было непросто. Тем же ножом было нанесено несколько ударов в анус. На бедрах жертвы, там, где с нее грубо стянули колготки, были заметны ссадины. Ребус покосился в сторону Изабель Пенни, но она оставалась бесстрастной, только щеки покрылись легким румянцем. Может статься, ей доводилось видеть и кое-что пострашнее. Невозможно, ибо нет ничего страшнее этого. Или все же...

– Обратите внимание на живот, – продолжал Казенс, – блузку разорвали специально, чтобы его обнажить, и на коже видны извилистые следы достаточно глубоких надрезов. Но на коже также видна одна особенная отметина без каких бы то ни было следов крови, из чего я заключаю, что акт был осуществлен после нанесения ударов. Фактически после смерти жертвы. Вот эти засохшие пятна на животе около следов от укуса. Данные, полученные во время расследования трех очень схожих дел, показали, что эти пятна имеют одну особенность – это следы слез или капли пота. Теперь я намерен измерить температуру внутри тела.

Ребуса мучила жажда. Ему было жарко, усталость постепенно овладевала его телом, а из-за того, что клонило в сон, все происходящее вокруг казалось какой-то невыносимой игрой воображения. Над головами патологоанатома, его ассистентки и работника морга сияли радужные нимбы. Стены двигались, и Ребус не решался смотреть на них, чтобы не потерять равновесие. Он случайно кинул взгляд в сторону Лэма, и констебль одарил его мерзкой ухмылкой и еще более мерзким подмигиванием.

Потом, когда тело в первый раз вымыли, очистив от бурых пятен крови, Казенс вновь осмотрел его, не найдя ничего нового, и после того, как были взяты отпечатки пальцев, приступил к внутреннему исследованию.

Вдоль живота был сделан глубокий разрез. Были взяты образцы крови, мочи, содержимого желудка, печени, волос с тела (а также с бровей) и тканей внутренних органов. Все это было передано судмедэкспертам. Когда-то Ребус с трудом выносил эту процедуру. Если причина смерти очевидна, то зачем это все нужно? Но за годы работы он понял, что внешние повреждения, которые видны невооруженным глазом, зачастую не так важны по сравнению с тем, что обнаруживается только под микроскопом или в результате химического анализа. Так что ему волей-неволей приходилось запасаться терпением, которое он пытался проявить и сейчас, подавляя зевот каждые полминуты.

– Я вас не утомил? – вежливо пробормотал Казенс. Он поднял глаза от своей работы и, поймав взгляд Ребуса, улыбнулся.

– Нисколько, – сказал Ребус.

– Ну и отлично. Уверен, мы бы все предпочли лежать у себя дома в постели, нежели находиться здесь, в этой комнате. – Казалось, только работник морга с родимым пятном сомневался в этом утверждении. Казенс начал вводить руку в грудь трупа. – Дольше, чем нужно, я здесь не задержусь.

Дурно присутствующим могло стать не только от представлявшегося их глазам зрелища, подумал Ребус, но и от сопутствовавших ему звуков. Треска разрывающейся плоти – словно мясник сдирает мясо с костей. Бульканья жидкостей и негромкого скрежета режущих инструментов. Если б только заткнуть чем-нибудь уши, все было бы не так отвратительно. Но его слух, как назло, улавливал даже едва слышный шум. В следующий раз он принесет с собой вату и набьет ее в уши. В следующий раз...

...Между тем органы брюшной полости и те, что расположены за грудиной, были изъяты и отнесены на отдельный стол, где их промыли из шланга, прежде чем Казенс приступил к иссечению. Его помощник тем временем извлекал мозг при помощи крошечной циркулярной пилы. Ребус зажмурился, но комната все равно продолжала неистово вращаться. Скоро эта пытка закончится, слава богу. Осталось совсем недолго. Но теперь это были не только звуки, верно? Теперь это был еще и запах – запах, который не перепутаешь ни с каким другим. Запах сырого мяса. Он проникал в ноздри, будто аромат сильных духов, наполняя легкие, схватывая горло и растекаясь по небу, пока не превращался в мерзкий привкус во рту. Ребус ощущал его невероятно остро. В его животе тут же началось какое-то смятение, и он принялся незаметно поглаживать его. Но Лэм все равно заметил его движения.

– Вас сейчас вырвет. – Это Лэм, словно злой демон, вырос из-за его плеча. – Вам лучше выйти, – прошипел он. А потом раздался подавленный смешок, похожий на звук заглохшего мотора. Ребус, едва повернув голову, зловеще улыбнулся.

Вскоре все извлеченные органы были зашиты обратно, и Ребус знал, что к тому моменту, когда родственники будут допущены к телу Джин Купер, она, а точнее, ее тело будет выглядеть более или менее естественно.

И как это всегда бывает по окончании вскрытия, в комнате воцарилась гробовая тишина. Все присутствовавшие были сделаны из того же теста, что и Джин Купер, и теперь они стояли, пораженные мыслью о том, что, оказывается, каждый из них не личность, не индивидуум, а тело, животное, мешок с требухой. Единственная разница заключалась в том, что их сердца, в отличие от сердца

Джин Купер, еще бились. Но в один прекрасный день, и достаточно скоро, это биение прекратится, и наступит конец. И где гарантии, что и они не попадут в эту мясную лавку, на эту скотобойню?

Казенс снял резиновые перчатки, тщательно вымыл руки и вытер их бумажным полотенцем, предложенным услужливым помощником.

– Я думаю, это все, господа, пока Пенни не отпечатает свои записи. Я полагаю, что жертва была убита между девятью и девятью тридцатью вечера. Тот же почерк характерен для Оборотня. Думаю, я только что вскрыл его четвертую жертву. Завтра я приведу Энтони Моррисона, пусть он осмотрит следы зубов. Поглядим, что он скажет.

Поскольку все, кроме Ребуса, видимо, знали, о ком идет речь, он решился спросить:

– А кто это такой?

– Дантист, – поспешил ответить Флайт.

– Дантист-патологоанатом, и неплохой, смею заметить, – поправил Казенс. – Он помогал нам в расследовании трех предыдущих убийств. Его анализы следов укусов нам оченьгодились.

Казенс бросил взгляд на Флайта, чтобы тот подтвердил его слова, но Флайт опустил взгляд, словно давая понять: «Я бы так не сказал».

– Ладно, – вздохнул Казенс (видимо, он уловил молчаливый намек), – в любом случае вам известно о моих находках. Они сейчас у ваших ребят в лаборатории. Здесь вам уже вряд ли что-нибудь пригодится для вашего расследования, – он кивнул в сторону выпотрошенного трупа, – а если так, то я, с вашего позволения, поеду домой спать.

Очевидно, Флайт догадался, что Казенс им недоволен.

– Спасибо, Филип. – Он сжал Казенсу руку повыше локтя. Тот покосился на руку Флайта, потом на его лицо и улыбнулся.

Представление закончилось. Публика начала понемногу расходиться, растворяясь в холодной промозглой тьме пробуждающегося дня. Ребус посмотрел на часы. Четыре тридцать. Он чувствовал себя совершенно разбитым – настолько, что был готов заснуть на лужайке перед главным корпусом. Но Флайт уже шагнул к нему с его багажом в руках.

– Поехали, – сказал он, – я вас подброшу.

В своем расслабленном состоянии Ребус подумал, что это самые добрые, самые замечательные слова, которые кто-либо когда-либо ему говорил в последнее время.

– А вы уверены, что для меня там найдется местечко? – спросил он. – Учитывая мишку, и вообще...

Флайт помолчал, а потом осведомился:

– Так вы предпочитаете идти пешком, инспектор?

Ребус поднял руки вверх, показывая, что сдается, а затем, увидев открытую дверь, забрался на переднее сиденье красной «сьерры». Сиденье показалось ему мягче пуховой перины.

– Вот, – сказал Флайт, протягивая фляжку.

Ребус открутил крышечку и понюхал.

– Не смертельно, – добавил Флайт.

Из фляжки пахло виски. Не самым лучшим, не «Исли», конечно, но достаточно сносным виски. Что ж, это поможет ему не уснуть прямо в машине, по дороге к отелю. Ребус чокнулся с ветровым стеклом и отхлебнул горячительного.

Флайт сел за руль, завел машину и, разогревая мотор, взял у Ребуса фляжку и сделал несколько жадных глотков.

– Далеко отсюда до отеля? – спросил Ребус.

– Минут двадцать езды в это время суток, – отвечал Флайт, снимая машину с ручного тормоза и пряча фляжку в карман. – Особенно если мы попадем в «красную волну».

– Тогда я разрешаю вам игнорировать красный свет.

Флайт устало рассмеялся. Оба они втихомолку задавались вопросом, с чего начать разговор о вскрытии.

– Может, лучше отложим разговор до утра, а? – предложил Ребус, высказывая общее мнение.

Флайт едва кивнул и тронулся вперед, помахав на прощание Казенсу и Изабель Пенни, которые как раз садились в свою машину. Ребус из окна взирал на констебля Лэма, стоящего около своей фасонистой спортивной машинки. Банально, подумал Ребус. Боже мой, как же это банально. Лэм уставился на Ребуса, в очередной раз одарив его своей презрительной ухмылкой.

ПТНФ, мысленно проговорил Ребус. ПТНФ. Потом он повернулся на сиденье, чтобы получше рассмотреть плюшевого медведя. Флайт наотрез отказывался понять намек, и Ребус, хоть и умирал от любопытства, не собирался лезть на рожон, рискуя своими едва завязавшимися и еще не совсем определившимися отношениями с этим человеком. Некоторые вопросы всегда лучше отложить до утра.

Виски прочистил их ноздри, глотки и легкие. Ребус глубоко вдохнул, мысленно увидев перед собой маленького работника морга с его синевато-багровым родимым пятном, Изабель Пенни, делающую наброски, подобно какой-нибудь художнице-любительнице, с таким видом, словно она находится в музее, у картины знаменитого художника. Интересно, в чем ее секрет – секрет неколебимого спокойствия, но он тут же подумал, что, скорее всего, ему этого не понять. Ее работа стала для нее просто работой. Быть может, однажды и Ребусу удастся почувствовать нечто подобное. И все-таки он надеялся, что этого не произойдет.

* * *

Как бы там ни было, по дороге к отелю Флайт и Ребус сказали друг другу еще меньше, чем по дороге в морг. Виски постепенно начинал действовать на голодный желудок Ребуса, да к тому же в машине было очень жарко. Он попытался чуть-чуть приоткрыть окно, но порыв пронзительно-холодного ветра, ворвавшегося в машину, только усугубил ситуацию.

Перед его мысленным взором снова разыгралась сцена в прозекторской. Режущие инструменты, органы, вынутые из тела, глаза Казенса, рассматривающие губчатую ткань внутреннего органа с расстояния не более двух сантиметров. Еще немного, и Казенс уткнется в него носом... Изабель Пенни, наблюдающая за всем происходящим, прилежно ведущая записи... разрез от горла до лобка... Мимо него вихрем проносился Лондон. Флайт, верный уговору, игнорировал некоторые светофоры, но на других все же слегка притормаживал. На улице до сих пор было много машин. Похоже, город никогда не спит. Ночные клубы, вечеринки, бездомные, бродяги... страдающие от бессонницы владельцы собак, все ночные пекарни и лавочки с вывесками «Крендели»; причем на одних было написано «Крендели», а на других – «Кренделя». Какие, на фиг, кренделя? Не та ли это гадость, которую вечно все поглощают в фильмах Вуди Аллена?

Образцы ее волос и бровей, черт возьми. Какой от них толк? Нужно сосредоточить свое внимание на убийце, а не на жертве. А эти следы зубов... Как там звали этого дантиста? То есть не дантиста, а зубного патологоанатома. Моррисон. Да, именно так. Моррисон, есть такая улица в Эдинбурге, Моррисон-стрит, недалеко от канала, рядом с пивоварней, где когда-то жили лебеди, всего пара лебедей. Почему их не стало? Неужели их истребили пивовары? В этой красной машине так невыносимо жарко. Ребус чувствовал, что его вот-вот вывернет наизнанку. Поворот ножа в горле. Маленького ножа. Он так явственно его видел. Что-то наподобие кухонного ножа. Острый, кисловатый привкус во рту.

– Почти приехали, – сказал Флайт, – это на Шафтсбери-авеню. А вон там, справа, – Сохо. Боже мой, за эти несколько лет мы все-таки навели порядок в этом притоне. Невероятно. Знаете, я тут подумал, там, где нашли тело... В общем, это недалеко от того места, где жили братья Крей. Где-то на Ли-Бридж-роуд. Я тогда еще был совсем неопытным молодым сыщиком. А о них в те времена шла дурная слава...

– Пожалуйста... – сказал Ребус.

– Они обчистили какого-то типа в «Стоки». Джек Маквити, по-моему, так его звали. Они прозвали его Джек-в-Шляпе.

– Можете здесь притормозить? – выпалил Ребус.

Флайт с удивлением взглянул на него:

– Что случилось?

– Мне не хватает воздуха. Пройдусь пешком. Просто остановите машину, пожалуйста.

Флайт поначалу запротестовал, но потом все же притормозил у тротуара. Выйдя из машины, Ребус сразу же почувствовал себя лучше. На его лбу, шее и спине выступил холодный пот. Он глубоко дышал. Флайт поставил его багаж на мостовую.

– Еще раз спасибо, – проговорил Ребус, – я прошу прощения. Просто покажите мне, куда идти.

– Прямо за площадью, – сказал Флайт.

Ребус кивнул:

– Думаю, у них есть ночной портье. – Да, ему определенно стало лучше.

– Сейчас уже без четверти пять, – сказал Флайт, – может, вам повезет застать утреннюю смену, заступающую на службу. – Он коротко рассмеялся, а затем, посерьезнев, кивнул Ребусу. – Вы были сегодня на высоте, Джон. Все нормально?

Ребус кивнул в ответ. Джон. Лед в самом деле тронулся? Или это просто дань вежливости?

– Спасибо, – сказал он. Они пожали друг другу руки. – По поводу совещания в десять утра... Все остается в силе?

– Ладно, перенесем его на одиннадцать, договорились? Я пришлю кого-нибудь за вами в отель.

Ребус кивнул и подобрал сумки. Потом наклонился к заднему окну машины:

– Спокойной ночи, мишка.

– Смотрите не потеряйтесь! – крикнул ему Флайт.

Машина тронулась с места и, сделав резкий разворот, с ревом понеслась обратно. Ребус огляделся вокруг. Шафтсбери-авеню. Дома так и наваливались на него со всех сторон. Театры, магазины. Залежи мусора: результат ночных гулянок. Из ближайшего темного проулка с глухим ревом вынырнула мусороуборочная машина. На мусорщиках были оранжевые комбинезоны. Они не обратили никакого внимания на прошмыгнувшего мимо них Ребуса. Когда же это наконец закончится? Вон за тем поворотом? Но до поворота еще далеко, дальше, чем ему показалось на первый взгляд.

Чертов Лондон. Потом он увидел статую Эроса над его фонтаном. Что-то здесь было не так. Площадь Пикадилли выглядела не так, как раньше: фонтан замостили, так что теперь поток машин проносился в двух шагах от Эроса, а не огибал его. На фиг они это сделали? Сзади него притормозила машина, потом поравнялась с ним. Белая, с оранжевой полосой: полицейская машина. Офицер на пассажирском сиденье опустил окно и окликнул его:

– Извините, сэр, куда вы направляетесь?

– Что? – Вопрос застал Ребуса врасплох, и он остановился. Автомобиль тоже остановился, и оттуда появились водитель и пассажир.

– Это ваши сумки, сэр?

Ребус почувствовал, как внутри него закипает ярость. Потом он случайно увидел собственное отражение в окне патрульной машины. Четыре сорок пять утра. Лондонская улица. Небритый, всклокоченный, явно невыспавшийся тип с чемоданом, сумкой и портфелем в руках. С портфелем? Кому придет в голову шататься по улицам с портфелем в руках в такую рань? Ребус поставил на землю

свой багаж и почесал переносицу. И еще до того, как он успел понять, что происходит, его плечи затряслись, а тело содрогнулось от смеха. Офицеры недоумевающе посмотрели друг на друга. Ребус подавил смех и полез во внутренний карман. Один из офицеров сделал шаг назад.

– Спокойно, сынок, – сказал Ребус, доставая документы, – я на вашей стороне.

Второй офицер, более решительный, взял документы, внимательно изучил их и отдал обратно со словами:

– Далеко же вы забрались от вашего участка, сэр.

– Я в курсе, – отвечал Ребус. – Как тебя зовут, сынок?

Констебль смутился:

– Беннет, сэр. Джои Беннет. То есть Джозеф Беннет.

– Ладно, Джои. Можно тебя кое о чем попросить? – Констебль кивнул. – Ты знаешь, где находится отель «Принц Ройял»?

– Да, сэр, – Беннет начал жестикулировать левой рукой, – это в пятидесяти ярдах...

– Постой, – прервал его Ребус, – проводи меня туда, ладно? – Молодой человек промолчал. – Согласен, констебль Беннет?

– Да, сэр.

Ребус кивнул. Похоже, он начинает привыкать к Лондону. Он может вступить с ним в схватку и одержать победу.

– Отлично, – сказал он, поворачиваясь в сторону отеля. – О, чуть не забыл, – спохватился Ребус, обернувшись и окинув взглядом обоих полицейских. – И не забудьте про мои сумки. – Повернувшись к ним спиной, Ребус явственно ощутил, как у ребят в буквальном смысле отвисла челюсть. – Да, – поинтересовался он, оглядываясь, – как вы думаете, стоит ли мне сообщить старшему инспектору

Лейну, что двое его офицеров подвергли меня унижительной процедуре, в то время как я являюсь его гостем в этом славном городе?

Ребус продолжал идти, не замедляя шага, слыша, как два офицера, подобрав его багаж, кинулись следом за ним. Они громко спорили по поводу того, стоит или не стоит оставлять патрульную машину незапертой. Ребус улыбался, несмотря ни на что. Маленькая победа. Немного лукавства, ну и черт с ним. В конце концов, это Лондон. Это Шафтсбери-авеню. А это все равно что шоу-бизнес.

* * *

Добравшись до дому, она прежде всего приняла ванну, после которой ей стало значительно лучше. Из багажника своей машины она принесла мешок для мусора с одеждой, в которой она была тогда: дешевенькие простенькие вещички. Завтра она наведет порядок на заднем дворе и сожжет их.

Она больше не плакала. Она успокоилась. Она всегда успокаивалась потом. Из полиэтиленового пакета она достала другой пакет, с окровавленным ножом. Раковина на кухне была наполнена горячей мыльной водой. Она запихнула оба пакета в мешок для мусора, а нож бросила в раковину. Она тщательно вымыла его, несколько раз меняя воду, мурлыча себе под нос песенку, какой-то неопределенный мотив. Но эти звуки успокаивали и утешали ее, словно мамина колыбельная много лет назад.

Ну вот и все. Это была нелегкая работа, и она была рада, что наконец покончила с ней. Главное в этом деле – предельная сосредоточенность. Стоит хоть на секунду отвлечься, и можно совершить ошибку и, что еще хуже, не заметить этого. Она промыла раковину три раза, отскабливая каждое микроскопическое пятнышко крови, и положила нож в сушилку для посуды. Потом она вышла в коридор и остановилась перед одной из дверей, ища ключ.

Здесь была ее потайная комната, ее картинная галерея. Одна стена комнаты была сплошь увешана картинами, написанными акварелью и маслом. Правда, три из них были непоправимо испорчены. Очень жаль, ибо когда-то она их особенно любила; теперь ей нравился небольшой деревенский пейзаж, выполненный в примитивистском стиле: простенькая неброская цветовая гамма, ручеек на переднем плане, а на заднем сидят мужчина и мальчик, а может,

мужчина и девочка, трудно сказать. Это характерно для примитивизма. И даже не спросишь у художника, кого он, собственно, хотел изобразить, поскольку художника давно уже нет на свете.

Она старалась не смотреть на стену напротив. Это была страшная стена. Ей ужасно не нравилось то, что она видела там краешком глаза. Она решила, что больше всего в любимой картине ей нравится размер: примерно двадцать на двадцать пять, не считая помпезной позолоченной рамы в стиле барокко, совершенно не сочетававшейся с самим полотном. Жаль, что у мамы не было никакого вкуса. Небольшой размер и слегка размытые цвета придавали картине особую утонченность, нежность и изящество, которые так нравились ей. Безусловно, эта сцена не отличалась особой правдоподобностью. Все в ней было фальшью и наглой ложью. Никогда не существовало ни ручейка, ни трогательных фигурок отца и ребенка, сидящих подле него. Существовал только леденящий ужас. Вот почему именно Веласкес был ее любимым художником: игра сумрачных отсветов, густые черные тени, черепа, подозрения... Так обнажалось черное сердце.

«Черное сердце». Она удовлетворенно кивнула собственным мыслям. Она могла видеть и ощущать то, что было дано немногим. В этом была ее жизнь. Смысл ее существования. А картина вдруг начала дразнить ее, ручеек изогнулся в кривую злую усмешку бирюзового цвета.

Медленно, продолжая напевать, она взяла ножницы со стула и принялась полосовать ими полотно – сначала ровными вертикальными ударами, потом горизонтальными, потом опять вертикальными, нанося удар за ударом, пока картина не исчезла навсегда.

Подземка

– А это, – сказал Джордж Флайт, – место, где родился Оборотень.

Ребус оглянулся. Не самое лучшее место для рождения: мощный булыжником тупик, по обеим сторонам которого громоздились трехэтажные строения. Окна домов зарешечены или забиты досками. Черные мешки с мусором выглядели так, словно валялись здесь уже не одну неделю. Некоторые прорвались, и из

них, словно из канализационной трубы, вылезало их вонючее содержимое.

- Очень мило, - сказал он.

- Большая часть зданий пустует. Местные рок-группы время от времени устраивают вон в том подвале репетиции и поднимают страшный грохот, когда войдут в раж. - Флайт показал на одно из зарешеченных окон. - А в этом, я думаю, была подпольная швейная мастерская... Но мы никого здесь не видели с тех пор, как вплотную занялись этой улицей.

- Да? - заинтересованно спросил Ребус, но Флайт покачал головой:

- В этом нет ничего особенного, можете мне поверить. Эти ребята используют рабский труд, по большей части нелегальных иммигрантов из Бангладеш. Меньше всего на свете они хотят иметь неприятности с полицией. Скорее всего, они перевезли швейные машины куда-нибудь в другое место.

Ребус кивнул. Он осматривал улицу, пытаясь восстановить в памяти фотографии, которые ему посылали, и определить то место, где было найдено тело.

- Там. - Флайт показал на ворота в железной ограде, и Ребус сразу же вспомнил. Да, это было именно там. Не на уровне мостовой, а на каменных ступеньках, ведущих в подвал. Жертва была найдена на нижних ступеньках, тот же почерк, что и прошлой ночью, вплоть до следов от укуса на животе. Ребус достал из портфеля досье, открыл его на нужной странице.

- «...Мария Уоткис, тридцать восемь лет. Род занятий: проститутка. Тело найдено во вторник шестнадцатого января работниками муниципалитета. Убийство было совершено предположительно за два или три дня до обнаружения тела. Похоже, была предпринята неудавшаяся попытка спрятать тело».

Флайт качнул головой в сторону одного из мешков для мусора:

- Он вывалил на нее целый мешок с мусором. Ему почти удалось спрятать тело. Если бы не крысы, которые привлекли внимание людей.

– Крысы?

– Целые полчища крыс, по свидетельству очевидцев. Они попиrowали на славу, чертовы твари.

Ребус стоял на верхних ступеньках лестницы, ведущей в подвал.

– Мы думаем, – продолжал Флайт, – что Оборотень заплатил ей и привел ее сюда. Или она привела его. Она работала в пивной на Олд-стрит, это в двух шагах отсюда. Мы опросили завсегдатаев пивной, но никто не видел, чтобы она с кем-нибудь уходила.

– Может, он был на машине?

– Вполне вероятно. Судя по расстоянию между двумя местами преступления, он наверняка достаточно мобилен.

– В рапорте сказано, что она была замужем.

– Точно. Ее муженек, Томми, прекрасно знал, что она шлюха. Но это было ему до фонаря, пока она приносила в дом деньги.

– И он не сообщил об ее исчезновении?

Флайт наморщил нос:

– Только не такой тип, как Томми. У него тогда был очередной запой, парень был практически невменяем, когда мы пришли его проведать. Позже он утверждал, что Мария часто исчезала на несколько дней, что она время от времени сматывалась на море с одним из своих постоянных клиентов.

– Не думаю, что вам удалось найти этих... клиентов?

– Забудьте об этом. – Флайт от души расхохотался, словно это была лучшая шутка недели. – Когда Томми давал показания, ему удалось вспомнить лишь то, что одного из них звали не то Билл, не то Уилл. Как по-вашему, это может помочь?

– Сужает круг подозреваемых, – ответил Ребус, улыбаясь.

– В любом случае, – сказал Флайт, – я сильно сомневаюсь, что Томми обратился бы к нам по поводу исчезновения жены. У нас на него солидное досье. Сказать по правде, он был нашим главным подозреваемым.

– Естественно. – Каждому полицейскому известно это основное правило: львиная доля убийств совершается членами семьи.

– Пару лет назад, – рассказывал Флайт, – Мария была жестоко избита. Даже в больницу попала. Дело рук ее благоверного, Томми. Она встречалась с другим мужиком и не брала с него за это денег. Вам понятно, о чем я? А еще за два года до этого Томми сидел в тюрьме за нападение с отягчающими обстоятельствами. Случай можно было бы квалифицировать как изнасилование, если бы нам удалось заставить жертву дать показания. Но она была испугана до потери пульса. У нас были свидетели, но без ее показаний мы смогли бы повесить на него всего лишь нападение с отягчающими обстоятельствами. Он получил восемь месяцев.

– Выходит, он просто изувер какой-то?

– Выходит, что так.

– И его досье свидетельствует о том, что жестокость направлена в основном против женщин.

Флайт кивнул:

– Сначала все шло как по маслу. Мы думали, что Томми самый подходящий кандидат в убийцы Марии, что на этот раз он попался. Но не тут-то было. Начнем с того, что у него было алиби. Да еще эти следы зубов: согласно показаниям дантиста, они не соответствуют размеру челюсти подозреваемого.

– Вы имеете в виду показания доктора Моррисона?

– Ага, точно. Я называю его дантистом, чтобы поддразнить Филипа. – Флайт почесал подбородок, и рукав его кожаной куртки скрипнул. – Короче говоря, у

нас ничего не вышло. А когда произошло второе убийство, мы поняли, что Томми тут ни при чем.

- Вы в этом абсолютно уверены?

- Джон, я ни в чем не могу быть абсолютно уверен, даже в том, какого цвета носки я надел сегодня утром. Иногда я даже не уверен, что я вообще надел носки. Но я практически уверен, что это не Томми Уоткис. Он ловит кайф от победы «Арсенала» - от футбола, а не от глумления над мертвыми женщинами.

Ребус взглянул Флайту в глаза.

- У вас синие носки, - сказал он.

Флайт опустил глаза и, поняв, в чем дело, широко улыбнулся.

- И разных оттенков, - добавил Ребус.

- Так оно и есть, черт возьми.

- Мне все же хотелось бы поговорить с мистером Уоткисом, - сказал Ребус. - Но это не горит и, разумеется, если вы не будете против.

Флайт пожал плечами:

- Как скажете, Шерлок. Ну что, будем выбираться из этой поганой дыры или вы хотели еще что-нибудь осмотреть?

- Нет, - сказал Ребус, - давайте выбираться отсюда.

Они зашагали к выходу из тупика, туда, где была припаркована машина Флайта.

- Еще раз, будьте добры... как называется этот район?

- Шордич. Помните детские стишки? «„Когда же, когда же я буду богат?“ - в Шордиче бьет набат».

Да, Ребус помнил что-то в этом роде. Смутные воспоминания о матери, о том, как он сидел у нее на коленях. А может, это был отец, который пел ему песенку и подбрасывал на коленях. А может, этого никогда не было и память подкидывает ему ложные воспоминания. Теперь они стояли в самом начале тупика, выходящего на дорогу с оживленным движением. Дома были черны от копоти, окна замызганы. Какие-то конторы, склады. Никаких магазинов, за исключением одного, где продаются профессиональные кухонные принадлежности. Никаких жилых помещений на верхних этажах, по крайней мере на первый взгляд. Никто не услышал бы приглушенный крик во мраке ночи. Никто не увидел бы из немытого окна ускользающего убийцу, забрызганного кровью.

Ребус еще раз окинул взглядом тупик, затем покосился на стену углового здания с табличкой, на которой едва различимыми буквами значилось название тупика: Вулф-стрит[6 - Вулф (wolf) – волк (англ.)].

Так вот почему полицейские прозвали убийцу Обратнем. Не из-за жестокости, с которой были совершены нападения, не из-за следов от укусов, которые он оставлял на теле жертвы, а просто потому, что, как объяснил Флайт, именно этот тупик было принято считать местом его «рождения»; местом, где, как в древних поверьях, человек обернулся волком. Впрочем, не имело особого значения, где преступник, утратив человеческий облик, превратился в дикого зверя. Гораздо большее значение имело то, что он мог быть кем угодно, абсолютно кем угодно в этом мегаполисе с десятью миллионами лиц, десятью миллионами потайных углов.

- Куда теперь? - спросил Ребус, открывая дверцу машины.

- Килмор-роуд[7 - Kill more (англ.) - убить еще раз, совершить новое убийство.], - сказал Флайт. Он бросил многозначительный взгляд в сторону Ребуса, признавая непреднамеренную иронию собственных слов.

- Что ж, Килмор-роуд так Килмор-роуд, - пробормотал Ребус, забираясь в машину.

* * *

День начался рано. Проснувшись после трехчасового сна и будучи не в силах заснуть опять, Ребус включил радио и, одеваясь, слушал утренние новости. Не зная, что принесет ему день, он оделся достаточно небрежно: брюки карамельного цвета, светлый пиджак, рубашка. Никакого твида. Никаких галстуков. Он хотел было принять ванну, но единственная ванная комната, имевшаяся на его этаже, была заперта. Придется просить ключ у портье. Около лестницы стояла машинка для чистки обуви. Ребус хорошенько отполировал носки своих поношенных черных ботинок, прежде чем спуститься к завтраку.

В столовой было довольно оживленно, посетители по большей части смахивали на предпринимателей или туристов. На одном из свободных столиков были разложены газеты, и Ребус успел взять «Гардиан», прежде чем изнуренная официантка препроводила его к свободному столику, накрытому на одного.

В центре зала стоял стол с подносом, на котором громоздились стаканы с соком, фрукты и овсяные хлопья. На столе у Ребуса появился непрошенный кофейник и подставка для тостов с холодными, едва подрумяненными треугольными кусочками хлеба. Скорее всего, их не обжаривали, а подсушивали под электрической лампочкой, подумал Ребус, размазывая порцию масла по поверхности этого жалкого треугольничка.

Настоящий Английский Завтрак состоял из кусочка бекона, одного теплого помидора (из консервной банки), трех микроскопических шампиньонов, одного несвежего яйца и занятой на вид сосисочки. Ребус справился со всем предложенным в один присест. Кофе был жидковат, но Ребус тем не менее осушил кофейник и попросил еще. Все это время он просматривал газету, но только со второго раза ему удалось обнаружить информацию о вчерашнем убийстве: кратенький сухой репортаж в нижнем углу четвертой страницы.

Голые факты. Ребус оглянулся вокруг. Сидящие рядом с ним смущенные родители пытались утихомирить своих расшалившихся детей. Не надо, подумал Ребус, не надо затыкать им рот, пусть лучше кричат. Кто знает, что случится завтра? Их могут убить. Родителей тоже могут убить. Его собственная дочь живет где-то в Лондоне вместе с его бывшей женой. Он должен позвонить им. Он обязательно им позвонит. Господин за угловым столиком шумно листал какую-то бульварную газетенку. Внимание Ребуса привлекли огромные буквы заголовка на первой странице: **ОБОРОТЕНЬ СНОВА АТАКУЕТ.**

Ладно, это уже что-то. Ребус потянулся за последним тостом и обнаружил, что уничтожил все масло. Чья-то рука тяжело опустилась на его плечо, и он, выронив от неожиданности тост, ошарашенно обернулся. За его спиной стоял Джордж Флайт собственной персоной.

- Доброе утро, Джон.

- Привет, Джордж. Спали нормально?

Флайт выдвинул стул напротив Ребуса и тяжело опустился на него, сложив руки на коленях.

- Не очень. А как вы?

- Мне удалось покемарить часа три. - Ребус собирался рассказать о том, как его чуть не арестовали на Шафтсбери-авеню, превратив эту историю в утренний анекдот, но в последний момент передумал. Веселые истории еще наверняка пригодятся им в будущем. - Кофе хотите?

Флайт покачал головой и взглянул на поднос с едой.

- Хотя... стаканчик апельсинового сока не помешает. - Ребус хотел было встать, но Флайт жестом приказал ему сидеть, поднялся, принес стакан, который и осушил залпом. Его глаза сузились. - Не иначе как из концентрата, - сказал он. - Лучше дайте-ка мне вашего кофе.

Ребус налил еще одну чашку.

- Видели? - спросил он, кивая в сторону углового столика.

Флайт бросил взгляд в сторону бульварной газетки и улыбнулся.

- Да, они заинтересованы в этой истории не меньше нашего. Разница лишь в том, что от нас зависит дальнейшее развитие событий.

- Не уверен, что оно действительно зависит от нас...

Флайт взглянул на Ребуса, но промолчал, не спеша прихлебывая кофе.

– В одиннадцать часов в убойном отделе состоится совещание. Зная, что мы вряд ли туда попадем, я оставил Лейна командовать парадом. А он это дело любит.

– А что мы будем делать?

– Ну, мы могли бы поехать на реку Ли и опросить жильцов соседних домов. Или отправиться в магазин, где работала миссис Купер. – Лицо Ребуса не выразило особого энтузиазма. – Или я мог бы отвезти вас туда, где произошли три предыдущих убийства... – Ребус воодушевился. – Ладно, – сказал Флайт, – значит, экскурсия по местам преступлений. Допейте кофе, инспектор, впереди длинный день.

– Можно один вопрос? – проговорил Ребус, поднося чашку кофе ко рту. – Чем продиктовано такое повышенное внимание к моей персоне? Неужели вам интересно выступать в роли моего шофера? Или у вас нет дел поважнее?

Флайт внимательно изучил лицо Ребуса. Сказать ему правду или выдумать какую-нибудь историю? Он решил выдумать историю и неопределенно пожал плечами:

– Просто ввожу вас в курс дела, только и всего.

Ребус медленно кивнул, но Флайт понял, что тот не поверил ему.

Подойдя к машине, Ребус заглянул через заднее окно, ища плюшевого медведя.

– Я убил его, – сказал Флайт, отпирая водительскую дверцу. – Идеальное убийство.

* * *

– Ну а как там у вас в Эдинбурге?

Ребус знал, что Флайта интересует отнюдь не туристический Эдинбург, город замков и фестивалей. Его интересует криминальный Эдинбург, город, столь непохожий на Лондон.

– Ну... – начал Ребус, – у нас все еще большие проблемы с наркотиками, и ростовщики, похоже, в очередной раз берут реванш, но в остальном у нас на данный момент все спокойно.

– Но ведь именно у вас появился этот детоубийца несколько лет назад, – напомнил Флайт.

Ребус кивнул.

– И вы раскрыли это преступление.

Ребус никак не отреагировал на эти слова. Тогда они умудрились скрыть, что у преступника был личный мотив, а значит, его нельзя было отнести к серийным убийцам.

– Тысячи человеко-часов раскрыли это преступление, – бросил он.

– Начальство так не думает, – сказал Флайт, – они уверены, что вы – серийный гуру.

– Значит, они ошибаются, – отвечал Ребус, – я всего лишь сыщик, такой же, как и вы. И кого вы подразумеваете под словом «начальство»? Чья это была идея?

Флайт покачал головой:

– Я не вполне уверен. То есть... Этим занимались Лейн, старший суперинтендант Пирсон. Но я понятия не имею, кому пришла в голову мысль притащить вас сюда.

– Письмо было подписано Лейном, – сказал Ребус, осознавая, что на самом деле это ровным счетом ничего не значит.

Он наблюдал за пешеходами, снующими по тротуарам. Их автомобиль полз как черепаха. За полчаса им удалось преодолеть всего три мили. Дорожные работы,

парковка в два, а то и в три ряда, непрерывная череда светофоров, пешеходных переходов и безумные маневры отчаявшихся водителей здорово осложняли движение. Флайт, казалось, прочел его мысли.

- Через пару минут мы выберемся отсюда, - сказал он. Ему не давали покоя слова, сказанные Ребусом: я всего лишь сыщик, такой же, как и вы. Но Ребусу удалось поймать детоубийцу, не так ли? И звание инспектора он заслужил именно благодаря этому делу. Нет, Ребус просто скромничает, вот и все. А твое дело им за это восхищаться.

Через пару минут они, преодолев еще пятнадцать ярдов и выехав на небольшой перекресток, собрались свернуть в улочку со знаком «Проезд запрещен».

- Настало время немного похулиганить. - Флайт окинул улочку взглядом и резко повернул руль.

Вдоль одной стороны тротуара тянулись торговые ряды. Уличные торговцы оттачивали свое остроумие о равнодушие протекавшей мимо толпы. Никто не обращал ни малейшего внимания на машину, которая, нарушая все правила, ехала вниз по улице с односторонним движением, пока какой-то парень, тащивший тележку через проезжую часть, не перегородил им дорогу. В ту же минуту чей-то увесистый кулак постучал в окно со стороны водителя. Флайт опустил стекло, и в проеме появилась голова - круглая, неестественно розового цвета и к тому же совершенно лысая.

- Ты что задумал, чертов... - Слова застряли у парня в горле. - Ой, это вы, мистер Флайт... Не узнал вашу тачку.

- Привет, Арнольд, - тихо проговорил Флайт, внимательно наблюдая за медленным движением тележки, - как поживаешь?

Человек нервно рассмеялся:

- Я просто паинька, мистер Флайт.

Только тогда Флайт снизошел до того, чтобы повернуть голову в его сторону.

– Ну хорошо, – сказал он. Ребус никогда не думал, что эти два слова могут звучать столь угрожающе. – Продолжай в том же духе, – добавил Флайт, отъезжая.

Ребус вопросительно посмотрел на него, ожидая объяснений.

– Половые преступления, – сказал Флайт. – Оба раза дети. Психиатры говорят, что сейчас он в порядке, но я не уверен. В таких делах стопроцентной уверенности быть не может. Он работает здесь грузчиком вот уже несколько недель. Иногда подбрасывает мне кой-какие сведения. Вы же знаете, как это бывает.

Да уж, можно себе представить. Этот здоровенный детина был у Флайта в руках. Стоило ему только намекнуть кому-нибудь из торговцев о том, что он знает об Арнольде, тот не только потерял бы работу, но и получил бы хорошую взбучку. Может, он и вправду пришел в себя, стал, как выражаются психиатры, «полноправным членом общества». Он заплатил за свои преступления и сейчас пытается встать на верный путь. И что? Полицейские, такие, как Флайт, например, и такие, как Ребус (что уж там скрывать!), теперь используют его прошлое против него, превращая его в доносчика.

– У меня около двух дюжин стукачей, – продолжал Флайт, – и конечно, не все такие, как Арнольд. Одни доносят ради денег, другие – просто потому, что не могут держать рот на замке. Возможность сообщить полиции важные сведения помогает им возвыситься в собственных глазах, почувствовать, что они хоть что-то собой представляют. В таком месте, как это, просто пропадешь без надежной сети осведомителей.

Ребус молча кивнул, но Флайт, похоже, оседлал своего конька.

– С одной стороны, Лондон слишком велик для того, чтобы его контролировать. Но с другой стороны, он ничтожно мал. Все друг друга знают. Река делит город на северную и южную части, а они, конечно, словно две совершенно разные страны. Каждая часть живет обособленно – разные представления и идеалы, разные люди. В своем районе всех знаешь. Иногда я чувствую себя деревенским бобби на велосипеде... – Флайт взглянул на Ребуса, и тот снова кивнул. А про себя подумал: ну вот, опять эта старая песня о том, что Лондон больше, лучше, круче и важнее, чем все остальные города. Он уже сталкивался с подобным

отношением, посещая курсы вместе с ребятами из Скотленд-Ярда или слушая рассказы тех, кто побывал в Лондоне. Флайт производил впечатление человека непредвзятого, а на деле оказался таким же, как все. Ребус и сам в свое время преувеличивал проблемы, с которыми сталкивается полиция в Эдинбурге, чтобы выглядеть более значительным и крутым.

И все же надо смотреть правде в глаза: работа в полиции – это прежде всего бумажная рутина и компьютеры. И только у смельчака хватит решимости прямо заявить об этом.

– Уже почти приехали, – сказал Флайт. – Килмор-роуд – третий поворот налево.

* * *

Килмор-роуд была частью промышленной зоны: ночью жизнь здесь полностью замирала. Затерянная в лабиринте маленьких улочек, она была расположена в двухстах метрах от станции метро. Ребусу всегда казалось, что станции метро можно встретить в оживленных местах в густонаселенных районах, но эта находилась на узенькой заброшенной улочке, вдали от автострады, автобусов или железнодорожного вокзала.

– Ничего не понимаю, – сказал Ребус.

Флайт в ответ лишь пожал плечами и покачал головой.

Одиноким прохожим, выходящим ночью из метро, непременно должен был миновать ряд пустынных улиц с завешенными окнами, из-за которых доносился рев телевизоров. Флайт показал Ребусу другой маршрут, пролегающий через промышленную зону и раскинувшийся за ней пустырь – плоский и безжизненный, с одной стойкой ворот и парой оранжевых дорожных знаков, заменяющих недостающую стойку. С другой стороны пустыря виселись три многоэтажных и несколько малоэтажных домов. Мэй Джессоп направлялась к одному из этих домов, в котором жили ее родители. Ей было девятнадцать, и у нее была неплохая работа, из-за которой ей частенько приходилось задерживаться в офисе; так что было уже десять часов вечера, когда родители по-настоящему заволновались. А еще через час в дверь постучали. Отец облегченно вздохнул и заторопился к двери. На пороге стоял детектив, который

явился, чтобы сообщить им, что только что нашли тело Мэй.

Дальше в том же духе. Казалось, не было никакой связи ни между жертвами, ни между местом преступления, если не считать того, подчеркивал Флайт, что все убийства были совершены к северу от реки, подразумевая под «рекой» Темзу. Но что общего могло быть между проституткой, служащей и помощницей продавца в винном магазине? «Ума не приложу, будь я трижды проклят», – думал Ребус.

Третье убийство произошло в западной части района Северный Кенсингтон. Поскольку тело было найдено у железнодорожных путей, изначально расследование преступления взяла на себя транспортная полиция. Тело принадлежало Шелли Ричардс, сорока одного года, незамужней и безработной; на данный момент она была единственной цветной жертвой. Проезжая Ноттингхилл, Ладброук-Гроув и Северный Кен (так Флайт называл Северный Кенсингтон), Ребус отметил одну бросающуюся в глаза деталь: улица, застроенная великолепными респектабельными особняками, вдруг уступала место трущобам – убогим, усеянным мусором дорожкам, домам с забитыми досками окнами и уютящимися на скамейках бродягами... Богачи и бедняки существуют бок о бок. В Эдинбурге – там все-таки соблюдается определенная дистанция. Но это... Просто немыслимо. Как сказал Флайт, «с одной стороны расовые мятежи, а с другой – дипломаты».

Место, где погибла Шелли Ричардс, было самым заброшенным и унылым. Ребус неловко сбежал вниз по железнодорожной насыпи, перевалился через кирпичную стену и спрыгнул на землю, перепачкав брюки зеленым мхом. Он попытался почистить их, но без особого успеха. Чтобы вернуться к машине, где его ждал Флайт, нужно было пройти под железнодорожным мостом. Шаги Ребуса отзывались гулким эхом, в то время как он старательно огибал лужи и кучи мусора. Внезапно он остановился и прислушался. Станный шум, похожий на чье-то тяжелое дыхание, словно мост над его головой испускает дух. Взглянув наверх, он увидел темные силуэты голубей, примостившихся на опорных балках и негромко воркующих. Так вот, значит, что это был за шум: воркование, а вовсе не дыхание. До него донесся внезапный раскат грома – по мосту промчался поезд, и голуби спорхнули со своего места, забив крыльями прямо над его головой. Ребус поежился и вышел на свет.

Затем они прибыли в отдел по расследованию убийств, занимавший несколько комнат на верхнем этаже здания. Когда они с Флайтом зашли в самую большую комнату, Ребус насчитал там никак не меньше двадцати сотрудников, мужчин и

женщин. То, что он увидел, было типично для любого полицейского отдела: офицеры говорили по телефону или работали за компьютером, клерки сновали от стола к столу с кипами бумаг. Копировальный аппарат в углу комнаты выплевывал новые порции бумаги, и двое грузчиков втискивали только что доставленный шкаф для документов рядом с тремя другими, уже стоявшими у стены. На другой стене висела подробная карта Лондона с отмеченными местами преступлений, соединенными полосками цветного скотча с припиленными рядом фотографиями и детальными описаниями. Оставшееся место на стене занимали график дежурств и диаграмма продвижения хода расследования. Казалось бы, все очень эффективно, но окружавшие Ребуса лица говорили ему об ином: каждый в этой комнате, как бы добросовестно он ни работал, втайне надеялся на Счастливый Случай.

Флайт сразу же настроился на деловую волну и забросал всех вопросами. Как прошло совещание? Что сказал Ламбет? Полицейская лаборатория расположена здесь, в здании, пояснил Флайт Ребусу. Есть какие-нибудь новости по поводу прошлой ночи? Что показал опрос жильцов? Интересно, здесь вообще кто-нибудь хоть что-нибудь знает?

В ответ все только пожимали плечами и качали головами. Они выполняли свою работу не задумываясь, уповая на Счастливый Случай. А что, если его не будет? Ребус в случай не верил: каждый человек – кузнец собственного счастья.

Небольшой кабинет, примыкавший к главному офису, использовался как коммуникационный центр, откуда в отдел убийств поступала свежая информация о расследовании. За этим кабинетом были расположены еще два, поменьше. В каждый кабинетик было втиснуто по три стола. Там работали старшие детективы. Оба кабинета были пусты.

– Садитесь, – сказал Флайт, снял трубку и начал набирать номер. В ожидании ответа он хмуро оглядывал стопку бумаг на лотке для входящих документов толщиной сантиметров в десять, которая появилась на его столе за это утро.

– Джино? Привет, – сказал он в трубку, – это Джордж Флайт. Не пришлешь ли мне сэндвичи? С салями и салатом. – Он взглянул на Ребуса, чтобы тот подтвердил его выбор. – С серым хлебом, пожалуйста, Джино. Лучше сделай четыре порции. Спасибо. – Он повесил трубку и набрал новый номер, на этот раз только две цифры, внутренний звонок. – У Джино тут кафе за углом, – объяснил он Ребусу, – он готовит потрясающие сэндвичи и к тому же организует

доставку... О, привет. Это инспектор Флайт. Можно нам чаю? Средних размеров чайничек будет то, что надо. Мы в офисе. Сегодня нормальное молоко или опять это сухое дерьмо? Замечательно, спасибо. – Он положил трубку и раскинул руки, как верующий, узревший чудо. – Сегодня ваш счастливый день, Джон. Сегодня у нас в порядке исключения настоящее молоко.

– Так что теперь?

Флайт пожал плечами, потом похлопал ладонью по разбухшему лотку с входящими документами:

– Вы в любой момент можете почитать что-нибудь отсюда, чтобы быть в курсе дела.

– Боюсь, что чтение не принесет мне пользы.

– Напротив, – возразил Флайт, – оно поможет вам ответить на любой из нелепых вопросов, которые так любит задавать начальство. Какого роста была жертва? Какого цвета волосы? Кто нашел ее? Все ответы здесь.

– Ее рост был метр шестьдесят восемь, волосы каштановые. А что касается того, кто ее нашел, меня это волнует как прошлогодний снег.

Флайт рассмеялся, но Ребус даже не улыбнулся.

– Убийцы не появляются из воздуха, – продолжал он, – они вырастают... медленно, как хороший газон. А на это требуется время. Годы ушли на то, чтобы этот парень сделался таким, каков он сейчас. Чем он занимался все эти годы? Скорее всего, он холостяк, но у него наверняка есть работа. А может, даже он живет с женой и детьми. Кому-то наверняка должно быть хоть что-то известно. Может, его жена недоумекает по поводу того, куда он исчезает по ночам, или откуда на носках его ботинок появляется кровь, или куда исчезает ее кухонный нож...

– Ладно, Джон. – Флайт снова раскинул руки, на этот раз миролюбивым жестом. Ребус понял, что, увлекшись, заговорил слишком громко. – Не нервничайте, успокойтесь. Начнем с того, что, когда вы начинаете так болтать, я ни слова не

могу разобрать, но мне кажется, я понял вашу мысль. Так что же нам делать?

– Обратиться за помощью к общественности. Нам необходима любая информация, которой располагают люди.

– К нам и так ежедневно поступают десятки телефонных звонков. Анонимные доброжелатели, психи, желающие излить душу; другие хотят настучать на соседа или на кого-то имеют зуб; возможно, у кого-то из них есть небезосновательные подозрения. У старшего суперинтенданта возьмут дюжину интервью в течение дня. Газеты, журналы, радио, телевидение... Мы сообщаем прессе все, что можем, а уж они несут наше слово в народ. У нас, черт возьми, самый лучший пресс-секретарь в стране, который работает не покладая рук, чтобы общественность знала, чем мы тут занимаемся.

В приотворенную дверь постучали, и в кабинет вошла женщина-констебль с подносом в руках. Она поставила поднос на стол Флайта и вышла.

– Разрешите за вами поухаживать? – спросил Флайт, наливая чай в простые белые кружки.

– А как зовут вашего пресс-секретаря? – спросил Ребус. Он тоже знал одного пресс-секретаря, и она тоже была лучшей на своем месте; только не в Лондоне, разумеется, а там, в Эдинбурге...

– Кэт Фаррадэй, – отвечал Флайт, – инспектор Кэт Фаррадэй. – Он понюхал пакет с молоком, прежде чем налить себе в чашку. – Если вы побудете здесь еще какое-то время, то непременно с ней встретитесь. Она просто красotka, наша Кэт. Имейте в виду, если она услышит, что я так о ней говорю, она с меня голову снимет. – Флайт подавился смешком.

– ...и на куски разрежет, – раздался чей-то голос из-за двери.

Флайт вздрогнул и, пролив чай на рубашку, вскочил на ноги. Теперь дверь была открыта нараспашку, и на пороге, опираясь на косяк, стояла платиновая блондинка со сложенными на груди руками и небрежно скрещенными ногами. Взгляд Ребуса был прикован к ее глазам, раскосым, как у кошки; из-за приподнятых уголков глаз лицо казалось уже, чем было на самом деле. У нее были тонкие губы, слегка тронутые ярко-красной помадой. Тяжелый

металлический оттенок волос будто отражал внутреннюю суть этой женщины. Она была старше обоих присутствующих мужчин на несколько лет, и если не годы состарили ее, то, вероятно, злоупотребление косметикой. Ее лицо было морщинистым и одутловатым. Ребусу не нравились сильно накрашенные женщины, но большинство мужчин придерживалось иного мнения на этот счет.

– Привет, Кэт, – проговорил Флайт, пытаюсь сохранить хотя бы видимость самообладания, – мы тут просто...

– ...говорили обо мне. Понятно. – Она выпрямилась и прошла в комнату, протягивая Ребусу руку. – Вы, должно быть, инспектор Ребус, – сказала она, – я все о вас знаю.

– Неужели? – Ребус бросил вопросительный взгляд в сторону Флайта, однако тот не сводил глаз с Кэт Фаррадэй.

– Надеюсь, Джордж не слишком к вам придирается.

Ребус пожал плечами:

– Бывало и похуже.

Ее глаза сверкнули совсем уж по-кошачьи.

– Не сомневаюсь, – сказала она. А затем добавила, слегка понизив голос: – Будьте осторожны, инспектор. Далеко не все здесь так милы, как Джордж. А как бы вы себя чувствовали, если бы какой-нибудь лондонец начал совать нос в ваши дела, а?

– Кэт... – начал Джордж, – вовсе ни к чему...

Она подняла руку, призывая его к тишине:

– Это просто дружеский совет, Джордж. Как инспектор инспектору. Наши проблемы – это наши проблемы, не так ли? – Она взглянула на часы. – Я должна идти. У меня встреча с Пирсоном через пять минут. Было приятно познакомиться, инспектор. Пока, Джордж.

И она вышла из кабинета, не затворив за собой дверь и оставив в воздухе тяжелое облако духов. Несколько минут мужчины молчали. Ребус первым решился нарушить тишину:

– Если мне не изменяет память, вы сказали «красотка», Джордж? Напомните мне, чтобы отныне я никогда не позволял вам устраивать для меня свиданий вслепую.

* * *

Был самый разгар рабочего дня. Ребус сидел один в кабинете Флайта, глядя в блокнот, лежавший перед ним на столе. Держа ручку как барабанную палочку, он постукивал ею по краю стола, изучая имена, которые только что написал. Доктор Энтони Моррисон. Томми Уоткис.

Этих людей ему хотелось увидеть. Он провел жирную черту под каждым именем и написал еще два: Рона. Саманта. Их обеих ему тоже хотелось увидеть, но только по другой причине.

Флайт отбыл на нижний этаж, чтобы встретиться со старшим инспектором Лейном. Ребус на встречу приглашен не был. Он взял оставшийся кусочек сэндвича с салями, но после минутного размышления швырнул его в мусорное ведро. Слишком много соли. И вообще, из какого мяса делают эту самую салями? Ему захотелось еще чаю. Флайт вроде набирал один-восемь, чтобы заказать чай, но Ребус решил не рисковать, боясь невзначай выставить себя на посмешище. Не хватало только случайно попасть к старшему суперинтенданту Пирсону.

Просто дружеский совет. От Ребуса не ускользнул смысл намек. Он скомкал свой список, бросил его в мусорное ведро следом за сэндвичем. Потом поднялся со стула и направился в главный офис. Он понимал, что должен действовать или хотя бы создавать видимость напряженной деятельности. Его заставили проехать четыреста миль в надежде, что он поможет в расследовании. Но чем? На данный момент он, хоть убей, не видел никаких пробелов в ходе расследования. Они делали все, что могли, но пока безрезультатно. Он был очередной соломинкой, за которую им пришлось в голову ухватиться. Еще один шанс приблизить долгожданный Счастливый Случай.

Ребус изучал карту на стене, как вдруг кто-то окликнул его:

– Сэр?

Он обернулся и увидел одного из сотрудников отдела.

– Да?

– К вам посетитель, сэр.

– Ко мне?

– Ну... Видите ли, вы сейчас единственный старший детектив в отделе, сэр.

Ребус немного подумал:

– Как его зовут?

Сотрудник заглянул в бумажку:

– Доктор Фрейзер, сэр.

Ребус еще немного подумал.

– Ладно, – сказал он наконец, направляясь в сторону своего крошечного офиса. – Можете впустить его через пару минут. – Он остановился. – Да, и принесите мне чаю, хорошо?

– Хорошо, – ответил сотрудник. Он подождал, пока Ребус не вышел из комнаты, потом повернулся к остальным, застывшим за своими столами с улыбками на лицах. – Этот Джок[8 - Джок – прозвище шотландцев, шотландская форма имени Джек (произв. от Джон).] совсем обнаглел, – во всеуслышание объявил он. – Чаю ему принесите! Сейчас принесу тебе чаю – с мочой пополам.

* * *

Доктор Фрейзер оказалась женщиной. Более того, женщиной привлекательной. Когда она вошла в кабинет, Ребус даже привстал со своего места, приветствуя ее.

- Инспектор Ребус?

- Верно. А вы, должно быть, доктор Фрейзер?

- Да. - Она улыбнулась, обнажив ряд безупречных зубов, когда Ребус предложил ей присесть. - Но я должна кое-что объяснить.

Ребус кивнул. Он смотрел ей в глаза, опасаясь, что иначе его взгляд непроизвольно скользнет вниз, к ее изящным загорелым ногам - чулками она пренебрегала, - к краю кремовой юбки чуть выше колен, соблазнительно обтягивающей бедра. Одного взгляда было достаточно, чтобы по достоинству оценить ее гибкое тело. Высокая, почти с него ростом, с длинными голыми ногами. На ней был пиджак, подобранный в тон юбке, и простая белая блузка, оттененная ниткой жемчуга. На горле, прямо над жемчугом, был заметен небольшой тоненький шрам. Загорелое лицо, правильно очерченный рот, черные прямые волосы собраны сбоку и пышной волной падают на плечо. На коленях она держала небольшой изящный портфель из мягкой черной кожи и перебирала пальцами ручки, рассказывая Ребусу о себе.

- Вообще-то, я не врач. - Ребус выразил легкое удивление. - Я доктор философии, преподаю психологию в колледже.

- И вы - американка, - сказал Ребус.

- На самом деле - канадка.

Да, он должен был догадаться. В ее акценте была слышна мягкая певучесть, отсутствовавшая у большинства американцев, и не было американской гнусавости, столь характерной для туристов, которые останавливаются на Принсес-стрит, чтобы сфотографироваться на фоне памятника Вальтеру Скотту.

- Простите, - сказал он, - так чем я могу быть вам полезен, доктор Фрейзер?

– Понимаете, утром я уже звонила в ваш отдел и объяснила, что меня заинтересовало дело Оборотня.

Теперь Ребус все понял. Еще одна чокнутая с какой-нибудь безумной идеей по поводу Оборотня. В отделе убийств сразу смекнули, что к чему, и решили подшутить над ним, организовав эту встречу и заранее предупредив Флайта, чтобы тот вовремя смылся. Что ж, шутка удалась. У Ребуса всегда нашлось бы время для привлекательной женщины; и не важно, чокнутая она или нет. В конце концов, ему все равно нечем заняться, не так ли?

– Продолжайте, – сказал он.

– Я хочу попытаться составить портрет Оборотня.

– Портрет?

– Психологический портрет. Наподобие фоторобота, только он скорее будет отражать духовный облик, а не внешний. Мне приходилось заниматься исследованиями в этой области, и я думаю, что, используя ту же методику, смогу помочь вам лучше понять убийцу. – Она помедлила. – Что вы об этом думаете?

– Ума не приложу, зачем вам это надо, доктор Фрейзер.

– Может, у меня активная гражданская позиция. – Она опустила глаза и улыбнулась. – Честно говоря, мне просто хотелось применить свои методы на практике. Пока мне удавалось экспериментировать только со старыми уголовными делами. Теперь я хочу заняться актуальным расследованием.

Ребус откинулся на стуле; вертя в пальцах ручку, сделал вид, что внимательно изучает ее. Когда он поднял глаза, то увидел, что доктор Фрейзер внимательно изучает его. Как-никак, она психолог. Он положил ручку на место.

– Это не игрушки, – проговорил он, – и здесь не лекционный зал. Четыре женщины мертвы, а маньяк бродит где-то на свободе, и мы сейчас заняты тем, что пытаемся отличить реальные следы убийцы от ложных. С какой стати мы должны уделять вам время, доктор Фрейзер?

Она зарделась, а ее скулы покрылись густым румянцем. Похоже, он застал ее своим вопросом врасплох. Ребусу тоже было нечего добавить, так что на какое-то время в комнате воцарилась тишина. У него пересохло во рту, а горло словно залили смолой. Где же чай?

И вдруг она заговорила:

– Все, что я хочу, это ознакомиться с материалами по делу.

Ребус не смог удержаться от сарказма:

– Всего-то навсего?! – Он похлопал рукой по внушительной стопке бумаг на лотке «для входящих». – Тогда нет проблем, это займет примерно пару месяцев.

Она проигнорировала его слова, роясь в портфеле, а затем достала оттуда тоненькую оранжевую папку.

– Вот, – сухо проговорила она, – просто прочтите это. Это займет у вас всего двадцать минут. Это один из составленных мной портретов... Американский серийный убийца. Если вы скажете, что это не поможет вам ни идентифицировать преступника, ни попытаться понять, когда он нанесет очередной удар, будь по-вашему, я сразу же уйду.

Ребус взял папку. О боже, подумал он, только не психология! Отношение... Подключение... Мотивация. Ребус был сыт по горло этой ерундой еще со времен учебного семинара для старших офицеров. И все-таки он не хотел, чтобы она уходила, не хотел, чтобы весь отдел убийств потешался над ним за его спиной, не хотел оставаться один в этой комнате. Ребус взял папку, достал аккуратно переплетенный реферат объемом страниц в двадцать пять и начал читать. Она внимательно наблюдала за тем, как он читает. Может, ждала какого-нибудь вопроса? Ребус читал, высоко задрав подбородок, чтобы она не заметила складок обвисшей кожи на шее, и широко расправив плечи, чтобы его не слишком мощная грудь казалась хоть чуточку шире, поминая недобрым словом родителей за то, что не кормили его как следует, когда он был ребенком. Он вырос тощим как щепка, и когда в один прекрасный день начал набирать вес, то за счет жира на животе и ягодицах, а не за счет мускулатуры на руках и на груди.

Ягодицы. Грудь. Руки. Ему стоило больших усилий разбирать написанное, сознавая, что ее тело находится в поле его зрения, прямо над верхней кромкой листа. Он даже не знает ее имени, а возможно, никогда и не узнает. Он нахмурил брови, сделав вид, что погружен в глубокие раздумья, и прочел первую страницу до самого конца.

К пятой странице он заинтересовался, а к десятой пришел к выводу, что здесь безусловно что-то есть. Конечно, много домыслов, сознайся, Джон, все построено на догадках, но все же из некоторых моментов она смогла сделать весьма впечатляющие выводы. Он догадывался почему: она мыслила не как детектив. И все же они плыли в одной лодке, и иногда их идеи соприкасались. В худшем случае это будет еще один тупик. А в лучшем... Он сможет в полной мере насладиться обществом приятной женщины во время своего пребывания в Лондоне. Да, именно, обществом приятной женщины! Это напомнило ему о необходимости позвонить своей бывшей жене и договориться о встрече. Он быстро пробежал глазами последние страницы.

- Хорошо, - проговорил он, закрыв реферат, - очень интересно.

Она оживилась:

- И полезно?

Он помедлил с ответом:

- Возможно.

Но она, видимо, ожидала услышать нечто большее.

- Этого достаточно для того, чтобы разрешить мне поохотиться на Оборотня?

Он медленно, раздумчиво кивнул, и ее лицо осветилось улыбкой. Ребус не мог не улыбнуться в ответ. В тот самый момент раздался стук в дверь.

- Войдите, - сказал Ребус.

Это был Флайт. В руках он держал поднос, залитый чаем.

– Кажется, вы заказывали напитки, – сказал он. Потом бросил взгляд на доктора Фрейзер и остолбенел. Выражение его лица привело Ребуса в восторг. – Боже мой, – произнес Флайт, переводя глаза с женщины на Ребуса, а потом снова на женщину. Он явно не сразу сообразил, что должен как-то объяснить свое поведение. – Они сказали мне, что ты тут не один, но они не... То есть я не... Я не знал... – Он запнулся и застыл с открытым ртом, потом поставил поднос на стол и только тогда повернулся к доктору Фрейзер. – Я инспектор Джордж Флайт, – представился он, протягивая руку.

– Доктор Фрейзер, – отвечала она, – Лиза Фрейзер.

Когда их руки встретились, Флайт бросил многозначительный взгляд в сторону Ребуса. Ребус, чувствуя, что постепенно осваивается в столице, весело, не спеша ему подмигнул:

– Вот вам и «боже мой».

* * *

Уходя, она оставила ему две книги. Одна, «Мышление серийного убийцы», представляла собой сборник статей нескольких ученых. Туда входила работа под названием «Скрепляя сделку: варианты мотивации поведения серийного убийцы». Автор – Лиза Фрейзер, Лондонский университет. Лиза. Очень милое имя. Хотя никакого упоминания о докторской степени. Другая книга, написанная гораздо более тяжелым языком, была перенасыщена картами, графиками и диаграммами. Называлась она «Случаи массовых убийств». Автор – Джеральд Кью Макноти.

Макноти? Это, должно быть, какая-то шутка. Но на обложке было написано, что профессор Макноти, будучи канадцем по происхождению, преподает в Колумбийском университете. Ребус никак не мог взять в толк, какое имя могло скрываться за инициалом «Кью». Остаток рабочего дня он провел в офисе, листая книги, уделив особое внимание эссе Лизы Фрейзер (которое он прочел дважды) и главе в книге Макноти, называвшейся «Виды увечий». Он выпил кофе, чаю и две банки апельсиновой шипучки, но, несмотря на это, когда он начал читать, у него пересохло во рту. Погружаясь с головой в эти ужасы, он чувствовал себя перепачканным грязью, от которой будет не так-то просто

отмыться. Когда он вышел в туалет в четыре пятнадцать, в главном офисе уже никого не было. Но Ребус этого не заметил. Его мысли бродили где-то далеко-далеко.

Флайт, оставивший его наедине с самим собой практически на весь день, вернулся к шести часам.

– Как насчет того, чтобы пропустить стаканчик? – Ребус покачал головой. Флайт присел на краешек стула. – Что-то случилось?

Ребус махнул рукой в сторону книг. Флайт прочел название той, что лежала сверху.

– Да уж, – сказал он, – не самое приятное в мире чтение, как я погляжу, верно?

– Дело не в этом. Просто это... Зло.

Флайт кивнул:

– Не вешайте нос, Джон. Иначе им все сойдет с рук. Если все так ужасно, мы станем бояться взглянуть правде в глаза, и тогда он будет уверен, что убийство сойдет ему с рук. Или кое-что похуже...

Ребус поднял голову:

– Что может быть хуже убийства?

– Много чего... Что скажете о парне, который пытается и насилует шестимесячного ребенка, снимая все это на видео, чтобы потом продемонстрировать таким же извращенцам?

– Вы шутите, – едва слышно выдавил Ребус, сознавая, что Флайт говорит серьезно.

– Это случилось три месяца назад, – продолжал тот, – мы не поймали ублюдка, но в Скотленд-Ярде осталась кассета – и другие интересные вещицы. Вы когда-нибудь видели порнофильм с педофилами в главных ролях? – Ребус устало

покачал головой. Флайт наклонился к нему так, что их головы почти соприкасались. – Не обижайтесь на меня, Джон, – тихо проговорил он, – это делу не поможет. Вы в Лондоне, а не у себя в Шотландии. Здесь даже на втором этаже автобуса среди бела дня небезопасно, не говоря уж о тропе у берега реки, когда стемнеет. И никто этого не видит. Лондон одаривает нас шкурой носорога и временной слепотой. Но мы – вы и я – не можем позволить себе оставаться слепыми. Однако вполне можем позволить себе пропустить стаканчик время от времени. Так вы идете?

Он уже был на ногах и нетерпеливо потирал руки. Лекция закончена. Ребус кивнул и медленно встал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/ien-renkin/ne-na-zhizn-a-na-smert/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

«Шотландцы, пролившие свою кровь» – патриотическая песня шотландцев на слова Р. Бернса. – Здесь и далее прим. перев.

2

Лотиан – один из девяти административных районов Шотландии; столица Лотиана – Эдинбург.

3

Популярный в Англии гимн композитора Х. Пэрри, положившего на музыку в 1916 г. стихотворение Уильяма Блейка (1804).

4

Джок – пренебрежительное прозвище шотландцев у англичан.

5

Lamb (англ.) – ягненок.

6

Вулф (wolf) – волк (англ.).

7

Kill more (англ.) – убить еще раз, совершить новое убийство.

8

Джок – прозвище шотландцев, шотландская форма имени Джек (произв. от Джон).

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ien-renkin/ne-na-zhizn-a-na-smert-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)